

П Р А В О

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 29.

Воскресенье 16 июля.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

РЕДАКЦИЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Содержаніе: 1) По поводу Мамонтовскаго дѣла. А. К. 2) Международные конгрессы 1900 г.—А. П—енно. 3) Ст. 775 у. с. въ судебно-мировой практикѣ— 4) Судебные отчеты: Дѣло Скитскихъ. 5) Хроника. 6) Ответы редакціи. 7) Справочный отдѣлъ (на обл. жкѣ).

Статьи присылаемы въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

По поводу Мамонтовскаго дѣла.

II.

Помимо того интереса, который представляетъ мамонтовскій процессъ для выясненія положенія акціонернаго дѣла, онъ любопытенъ и съ чисто процессуальной точки зрѣнія. Онъ свидѣтельствуетъ, какъ намъ кажется, о томъ значеніи, которое представляетъ съ точки зрѣнія правильнаго и объективнаго разсмотрѣнія дѣла не только точная квалификація инкриминируемаго дѣянія, но и ограниченіе предѣловъ судебного слѣдствія тѣми фактами, которые имѣютъ отношеніе при выясненіи того, дѣйствительно ли совершены подсудимыми приписываемыя имъ дѣянія и слѣдуетъ ли имъ вѣнчать въ вину ихъ совершеніе.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что вопросъ этотъ особаго значенія не имѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, основная задача уголовного процесса—это выясненіе истины. Чѣмъ полнѣе она выясняется, тѣмъ лучше. Поэтому не слѣдуетъ, казалось бы, ни предѣ чѣмъ останавливаться, для того, чтобы выяснитъ все, относящееся какъ къ личностямъ подсудимыхъ, такъ точно и къ приписываемому имъ дѣянію. Быть можетъ, удастся такимъ образомъ раскрыть что либо имѣющее значеніе при выясненіи вопроса о винѣ подсудимыхъ или о степени наказанія, которое необходимо на нихъ наложить. Въ дѣйствительности однако, какъ ни желательно возможно болѣе полное раскрытіе истины, такое безграничное расширеніе предѣловъ судебного слѣдствія представляетъ серьезныя опасности и можетъ вести къ результатамъ, прямо противоположнымъ:

оно можетъ легко затемнить дѣло, сбить съ толку судей, направить все дѣло по совершенно ложному пути. Прокуратура въ своемъ стремленіи собрать все, что подтверждаетъ предъявленное ею къ подсудимому обвиненіе, тщательно собираетъ все то, что, по ея мнѣнію, дополняетъ характеристику подсудимаго, какъ человѣка, могущаго совершить приписываемое ему дѣяніе. Вся жизнь подсудимаго становится такимъ образомъ объектомъ прокурорскаго изслѣдованія. Но само собой, чѣмъ болѣе отдалены эти факты отъ преступнаго дѣянія, тѣмъ меньше вниманія удѣляется ихъ выясненію, такъ какъ нельзя же восстановить съ одинаковой полнотой все прошлое, всю жизнь подсудимаго. Съ другой стороны защита оказывается въ тяжеломъ, часто ложномъ, положеніи. Ей приходится волей-неволей считаться не только съ инкриминируемымъ дѣяніемъ, не только со всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ значеніе для выясненія вопроса о виновности или невиновности обвиняемаго, но и съ этимъ наноснымъ, сравнительно мало обслѣдованнымъ матеріаломъ, который самъ по себѣ для разрѣшенія этого вопроса въ сущности безразличенъ, но который все же опасенъ для обвиняемаго, ибо бросаетъ на него тѣнь, способную, пожалуй, и повліять на окончательные выводы суда. Занять чисто оборонительное положеніе по отношенію къ этому матеріалу, ограничиться указаніемъ на то, что весь этотъ матеріалъ съ существомъ дѣла ничего общаго не имѣетъ, что въ интересахъ правильнаго его разрѣшенія судьи должны о немъ совершенно забыть въ совѣщательной комнатѣ, это можетъ казаться опаснымъ, а порой и дѣйствительно можетъ быть опаснымъ для подсудимаго. Каждый, кому при-

ходилось бесѣдовать съ присяжными засѣдателями послѣ окончанія дѣла, отлично знаетъ, какое огромное значеніе они придаютъ тому обстоятельству, что защита не возражала противъ того или другого указанія обвиненія, не опровергла указанія, бросающаго тѣнь на личность подсудимаго. И вотъ, не имѣя обыкновенно въ своемъ распоряженіи достаточно матеріала, чтобы съ ясностью разоблачить неправильность этихъ указаний, защита опровергаетъ ихъ помощью разнаго рода гипотезъ, часто болѣе или менѣе искусственныхъ, болѣе или менѣе софистическихъ. Мало того, и она въ свою очередь вступаетъ на тотъ же путь осложненія дѣла путемъ указаній, обыкновенно недостаточно полно обоснованныхъ по выше изложеннымъ соображеніямъ, на такія черты изъ прошлаго подсудимаго, которыя, по ея мнѣнію; рисуютъ его съ самой благопріятной стороны, а въ сущности не имѣютъ рѣшительнаго никакого значенія для вопроса о его невиновности. Въ результатѣ судебная перспектива оказывается нарушенной самымъ грубымъ образомъ и на судей падаетъ двойной трудъ: надо раньше разобраться въ томъ, что относится и что не относится къ дѣлу, а только затѣмъ приступить къ разрѣшенію поставленнаго вопроса. Каждая ошибка въ первой работѣ можетъ привести къ неправильному отвѣту на второй вопросъ.

Намъ кажется, что мамонтовскій процессъ, какъ впрочемъ и большинство „громкихъ“ процессовъ, можетъ служить прекрасной иллюстраціей вреда безконечнаго расширенія предѣловъ судебного разсмотрѣнія.

Сущность обвиненія, предъявленнаго къ обвиняемымъ (мы оставляемъ въ сторонѣ растрату денегъ Третьякова), заключается въ томъ, что они употребляли деньги Московско-Ярославско-Архангельской ж. д. частью на поддержаніе Невскаго завода, частью на свои личныя нужды. Между тѣмъ, если мы обратимся къ судебному слѣдствію, то увидимъ, что значительная его часть посвящена выясненію вопросовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ этимъ обвиненіемъ.

Такъ отмѣтимъ раньше всего инцидентъ по поводу завѣщанныхъ Чижовымъ на разныя благотворительныя цѣли акцій Курской желѣзной дороги на 2 мил. рубл., при чемъ своимъ душеприказчикомъ онъ назначилъ С. И. Мамонтова. Мамонтовъ въ теченіе очень долгаго періода времени не реализировалъ этого состоянія, имѣя основанія рассчитывать на то, что акціи эти должны значительно подняться въ цѣнѣ, что въ дѣйствительности и случилось, такъ что при продажѣ акцій капиталъ въ 2 мил. обратился въ 6 мил. Но пока эти капиталы оставались въ рукахъ Мамонтова и возростали въ цѣнѣ, кругомъ раздавались обвиненія его въ растратѣ ввѣренныхъ его попеченію чижовскихъ миллионныхъ. При этомъ указывается на то, что Мамонтовъ, зная о предстоящемъ повышеніи акцій, могъ купить ихъ для себя и положить такимъ образомъ себѣ въ карманъ около 4-хъ мил.

Но спрашивается, какое отношеніе все это имѣетъ къ настоящему дѣлу. Допустимъ на минуту, что слухи о злоупотребленіяхъ Мамонтова чижовскими капиталами правдивы, но развѣ это можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы признать Мамонтова виновнымъ въ неправильномъ расходованіи денегъ Московско-Ярославско-Архангельской ж. д., или даже только

увеличить тяжесть наказанія? Далѣе, весь этотъ рассказъ о чижовскихъ миллионныхъ не могъ быть конечно провѣренъ на судѣ; поэтому всѣ разсужденія по этому поводу носили по необходимости характеръ совершенно произвольныхъ догадокъ. Какъ было бы смѣшно поставить въ вину Мамонтову рассказы о злоупотребленіяхъ чижовскими капиталами, такъ было бы наивно считать убѣдительнымъ указаніе на то, что Мамонтовъ могъ положить себѣ въ карманъ 4 мил. покупныхъ акцій, принадлежавшихъ наслѣдственной кассѣ. Если даже и согласится съ тѣмъ, что порой можно навѣрняка играть на повышеніе, то вѣдь Мамонтовъ могъ приобрести акціи дороги и помимо чижовскихъ... И вотъ въ результатѣ того, что весь разговоръ о чижовскихъ миллионныхъ не былъ своевременно устраненъ, какъ совершенно неудущій къ дѣлу, получается совершенно непроизводительная затрата силъ и времени; мало того, этотъ эпизодъ, вовсе не изученный съ той обстоятельностью, которую мы требуемъ на судѣ, можетъ все же оставить въ совѣсти присяжныхъ засѣдателей болѣе или менѣе случайный осадокъ, который, можетъ быть, окажетъ совершенно нежелательное воздѣйствіе на вердиктъ.

Укажемъ еще одинъ эпизодъ въ процессѣ, именно распросы свидѣтелей, занявшихъ въ правленіи Московско-Ярославско-Архангельской ж. д. мѣста Мамонтовыхъ, о размѣрахъ получаемаго ими содержанія. Не безразлично ли съ точки зрѣнія вопроса о виновности или невиновности Мамонтовыхъ въ преступномъ хозяйничаніи деньгами дороги, получаютъ ли ихъ преемники большее или меньшее содержаніе? В. м., большее содержаніе, ими получаемое, получается съ большимъ основаніемъ, чѣмъ меньшее жалованье, получавшееся Мамонтовыми; быть можетъ и наоборотъ, они совершенно не заслуживаютъ никакого вознагражденія, все это вопросы, на которые въ дѣлѣ мы не находимъ никакого отвѣта, да которые къ тому же совершенно безразличны для отвѣта о виновности или невиновности Мамонтовыхъ.

Но эти отмѣченные нами эпизоды носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ, не имѣютъ особаго значенія. Мы отмѣтили ихъ для того, чтобы пояснить нашу мысль, что естественные предѣлы судебного разслѣдованія у насъ постоянно нарушаются, и мы успѣли въ такой мѣрѣ къ этому привыкнутьъ, что перестаемъ замѣчать эти нарушенія. Несравненно болѣе важное значеніе въ мамонтовскомъ процессѣ имѣлъ вопросъ о выгодности или невыгодности кредитованія Невскаго завода, къ которому стороны постоянно возвращались и который долженъ былъ во всякомъ случаѣ значительно затруднить разсмотрѣніе дѣла.

Какъ извѣстно, правленіе Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги сужало Невскій заводъ миллионными, принадлежавшими дорогѣ. Обвиненіе въ виду этого занялось вопросомъ, въ какой мѣрѣ заводъ этотъ былъ предпріятіемъ жизнеспособнымъ, при чемъ доказывало, что помѣщеніе капитала было невыгодное. Наоборотъ, защита направила свои усилія на доказательства выгоды такого помѣщенія, блестящихъ успѣховъ, которыхъ достигъ на заводѣ Мамонтовъ, и еще болѣе блестящихъ успѣховъ, которыхъ можно было ожидать впереди. Въ пользу утвержденія

прокурора говорила судьба завода, невозможность въ свое время помѣстить акціи новаго выпуска, его продажа правительству послѣ предварительной оцѣнки по расчету 30к. за рубль, продажа, состоявшаяся очевидно потому, что никто больше не давалъ. Понятно, для того чтобы установить съ достаточной точностью, кто въ этомъ спорѣ правъ, указанныхъ въ дѣлѣ фактовъ недостаточно. Надо было бы произвести новую судебную экспертизу специально относительно стоимости завода, надо было бы изучить все прошлое, для того чтобы выяснить причины предыдущихъ неудачъ. Это не было сдѣлано, да по существу въ этомъ не было надобности, такъ какъ обвиненіе Мамонтовыхъ было поставлено совершенно независимо отъ степени выгодности помѣщенія денегъ въ Невскій заводъ, а всестороннее изслѣдованіе этого послѣдняго вопроса потребовало бы по всемъ вѣроятностямъ столько же времени, такихъ же усилій, какъ и весь мамонтовскій процессъ. Понятно, съ другой стороны, что защита была лишена возможности, на строго дѣловой почвѣ, опровергать положенія обвиненія, ей оставалось только опорочить аргументъ обвиненія, и если этотъ аргументъ заключается въ показаніяхъ свидѣтелей, надо опорочить этихъ свидѣтелей: ибо нѣтъ достаточныхъ данныхъ для опроверженія, и кажется опаснымъ ограничиваться указаніями на недостаточность этихъ данныхъ.

Между тѣмъ весь этотъ споръ, со стихійною силою отклоняющей стороны отъ спокойнаго, объективнаго изучения дѣла и оцѣнки всѣхъ его обстоятельствъ, представляется въ дѣлѣ совершенно случайнымъ, наноснымъ матеріаломъ. Въ то время, когда правленіе Московско-Ярославско-Архангельской ж. д. щедрой рукой переводило милліоны изъ кассы дороги въ кассу Невскаго завода, подсудимые были, конечно, глубоко убѣждены въ томъ, что Невскій заводъ жизнеспособное учрежденіе, но вѣдь и жизнеспособному учрежденію нельзя давать въ кредитъ чужія деньги. Вотъ въ этомъ распоряженіи чужими деньгами и заключается преступленіе, которое нисколько не отягощается тѣмъ, что учрежденіе это было нежизнеспособно, какъ не смягчалось бы въ томъ случаѣ, если бы оно было жизнеспособно, тѣмъ болѣе что несомнѣнно, что обвиняемые считали предпріятіе жизнеспособнымъ. Къ чему же весь споръ? Къ чему отягощать имъ и безъ того напряженное вниманіе присяжныхъ засѣдателей, въ теченіе нѣсколькихъ дней занятыхъ нервно-тяжелой работой, результаты которой должны рѣшить судьбу нѣсколькихъ чело-вѣкъ.

Одна неправильность влечетъ за собой другую. Споръ, перенесенный на такую шаткую почву, гдѣ нѣтъ достаточно точныхъ данныхъ для его разрѣшенія, побуждаетъ стороны замѣнять по необходимости отсутствующія доказательства чисто софистическими аргументами, болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства. Защита въ дополненіе къ крайне проблематическимъ доказательствамъ достоинствъ Невскаго завода, какъ выгоднаго предпріятія, присоединила еще одинъ дополнительный аргументъ, служащій, по ея мнѣнію, къ оправданію Саввы Мамонтова. Поддерживая заводъ, онъ поддерживалъ русское предпріятіе, онъ его спасъ отъ того, чтобы онъ попалъ въ руки иностранцевъ. Неужели и это аргументъ? Въ настоящее время подде-

жить большому сомнѣнію вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли поддерживать покровительственной пошлиной русскихъ фабрикантовъ въ борьбѣ противъ иностранныхъ конкурентовъ, но наука до сихъ поръ еще не подумалась до покровительства въ формѣ освобожденія отъ уголовного наказанія тѣхъ, кто совершалъ преступления съ цѣлью поддерживать русскіе заводы и фабрики отъ захвата ихъ иностранцами.

А. К.

Международные конгрессы 1900 года.

II.

(*Congrès international du patronage des libérés.*)

Конгрессъ покровительства освобожденнымъ преступникамъ открылся въ воскресенье 8 іюля—25 іюня и окончился 13 іюля, посвятивъ своимъ занятіямъ пять общихъ собраній и девять собраній секцій.

Первое засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи и было посвящено обычнымъ предварительнымъ формальностямъ и торжественнымъ рѣчамъ, мало интереснымъ по своему содержанію.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи работъ конгресса я буду слѣдовать порядку секцій и предложенныхъ ими вопросовъ.

I.

Первый вопросъ, предложенный первой секціи, („Дѣти“) гласилъ такъ: „О принципахъ и способахъ осуществленія на практикѣ исправленія дѣтей родительскою властью (*correction paternelle*)“.

Изъ представленныхъ четырехъ докладовъ особаго вниманія заслуживаютъ только два: г-на Н. Joly *) и г-на Н. Jaspard **). Изъ нихъ можно съ полною очевидностью усмотрѣть, что Франція и страны, заимствовавшія французскую систему безсуднаго заключенія въ тюрьму, начинаютъ серьезно сомнѣваться въ томъ, чтобы эта столь абсолютная система дѣйствительно имѣла тѣ преимущества, на которыя рассчитывали ся авторы. Составители нашего кодекса — говорить г. Joly, исходили изъ принципа, совершенно правильнаго, если его разсматривать абстрактно. Ст. 375 гражд. код. имѣетъ свою цѣлью поддержать авторитетъ лица, провеси *patria potestas* вплоть до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Въ виду этого, отецъ — и только отецъ! — можетъ требовать заключенія въ тюрьму своего ребенка; судья производитъ слѣдствіе только въ томъ случаѣ, если ребенку больше 16-ти лѣтъ. Заключение продолжается не свыше 6-ти мѣсяцевъ, но можетъ быть прекращено во всякій данный моментъ, по просьбѣ отца. „Какъ бы прекрасно ни было въ теоріи столь прямолинейное проведеніе важнаго принципа — нельзя, все-таки, закрывать глаза на тѣ результаты, которые, на практикѣ, дало намъ столѣтнее существованіе системы. А результаты эти весьма неутѣшительны.“ До-

*) Doyen honoraire de Faculté, Vice-président de la Société Générale des prisons.

***) Secrétaire de la Commission royale des Patronages de Belgique.

кладчикъ слѣдующимъ образомъ перечисляетъ недостатки французской системы:

1) Правомъ заключенія въ тюрьму пользуются, по большей части, отцы, сами не безупречные въ нравственномъ отношеніи. Поэтому, выходитъ, что законъ сдѣланъ для одной категоріи гражданъ—а пользуется имъ другая категорія. При такихъ условіяхъ, цѣль закона не можетъ быть достигнута.

2) Статистика показываетъ, что правомъ заключенія въ тюрьму пользуются почти исключительно рабочіе, живущіе въ крупныхъ центрахъ (Парижъ, Лиль, Марсель), т. е. такіе люди, которые лишены возможности лично наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Поэтому, въ тюрьмы попадають, въ большинствѣ случаевъ, или дѣти, выросшія безъ надзора и, слѣдовательно, виноватыя безъ вины или—въ худшихъ случаяхъ—дѣти ни въ чемъ не виноватыя, но стѣсняющія своимъ присутствіемъ порочныхъ родителей. Отъ нихъ избавляются, какъ избавляются отъ всякаго лишняго свидѣтеля.

3) Статистика показываетъ также, что число просьбъ о помѣщеніи въ тюрьму увеличивается во время стачекъ и безработицы, т. е. что къ этому средству прибѣгаютъ для того, чтобы такъ или иначе заставить государство содержать ребенка на казенный счетъ.

4) Дѣти, посылаемая родителями въ тюрьму, по свидѣтельству всѣхъ свѣдущихъ лицъ,—составляютъ контингентъ наиболѣе порочныхъ, неблагодарныхъ, лживыхъ и злыхъ „сидѣльцевъ“. А между тѣмъ, пребываніе ихъ въ тюрьмѣ самимъ закономъ ограничено 6-ю мѣсяцами—и, слѣдовательно, исправить ихъ почти невозможно.

5) При составленіи кодекса исправительные дома еще не были извѣстны. Теперь же тюремовѣды со справедливымъ недоумѣніемъ спрашиваютъ, почему дѣтей отправляютъ на исправленіе въ тюрьмы—а не въ другія какія-нибудь учрежденія.

Въ виду всего этого, докладчикъ считаетъ, что французская система должна быть замѣнена другою, менѣе абсолютною, напр. въ видѣ отеческаго исправленія, установленнаго австрійскимъ уголовнымъ кодексомъ 1885 года.

Къ тому же заключенію приходитъ и г. Н. Jaspard. Онъ указываетъ, что бельгійская система, составляющая точную копію французской, подверглась въ последнее время сильной критикѣ. Консультанція, учрежденная министромъ юстиціи въ 1897 году,—конгрессъ мировыхъ судей 1898 года и королевская коммиссія патроната—все осудили почти единогласно существующую нынѣ процедуру. Коммиссія признала необходимымъ послѣ продолжительныхъ преній, введеніе слѣдующихъ поправокъ.

Самый основной принципъ долженъ быть измѣненъ. Если отецъ принужденъ прибѣгать къ заключенію своего ребенка въ тюрьму, то онъ этимъ самымъ показываетъ, что онъ этого ребенка не сумѣлъ воспитать. Заключеніе, поэтому, должно быть не мѣрой наказанія, а способомъ перевоспитанія. Эта мысль была выражена въ слѣдующемъ положеніи: „Если отецъ, пользуясь своею отеческою властью по отношенію къ малолѣтнему неэманципированному ребенку дурного

поведенія, — прибѣгнетъ къ помощи общественной власти, то судья установитъ по своему усмотрѣнію необходимыя мѣры воспитанія и ихъ продолжительность“. Другія три положенія составляютъ развитіе перваго. „Всякому заключенію въ исправительное учрежденіе должно предшествовать слѣдствіе относительно того, насколько справедливы указанія отца на дурное поведеніе ребенка“.—„Право просить о заключеніи въ исправительное учрежденіе принадлежитъ тому, кто осуществляетъ отеческую власть (а не одному только отцу). Мнѣніе другого супруга всегда должно быть выслушано“.—Компетентнымъ является мировой судья съ правомъ ребенка апеллировать къ предсѣдателю суда первой инстанціи.

Второй вопросъ, предложенный первой секціи, гласилъ такъ: „о покровительствѣ, въ различныхъ государствахъ, несовершеннолѣтнимъ иностранцамъ и объ исполненіи иностранныхъ рѣшеній, касающихся малолѣтнихъ“. Три доклада, представленные по этому вопросу, приходятъ, въ общихъ чертахъ, къ одинаковымъ заключеніямъ.

Всякое наказаніе, конечно, должно быть отбываемо въ той странѣ, гдѣ несовершеннолѣтній былъ судимъ. Но какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ, что несовершеннолѣтній дѣйствовалъ безъ разумія и что поэтому онъ, не подлежа наказанію, долженъ быть помѣщенъ въ учрежденіе для исправительнаго воспитанія? Нѣкоторые писатели—говоритъ одинъ изъ докладчиковъ, г. Е. Descamps *)—предполагаютъ, что ни одной странѣ невозможно навязывать перевоспитаніе дѣтей-иностранцевъ, которые по достиженіи совершеннолѣтія не преминутъ вернуться на родину. Поэтому, писатели эти предлагаютъ или судить дѣтей-иностранцевъ въ *forum delicti* и затѣмъ приводить въ исполненіе рѣшеніе суда о помѣщеніи ихъ въ исправительныя учрежденія *на родинѣ*,—или же пересылать ихъ на родину до и для суда. Г. Descamps въ своемъ докладѣ указываетъ, что какъ первая, такъ и вторая системы имѣли бы крупныя неудобства, потому что существующіе международные договоры не предусматриваютъ ни произнесенія *exequatur* для рѣшеній иностранныхъ уголовныхъ судовъ, ни выдачи малолѣтнихъ преступниковъ за преступленія, совершенныя на территоріи выдающаго государства. Да и введеніе подобныхъ мѣръ было бы весьма нежелательнымъ, такъ какъ оно пошло бы въ разрѣзъ со всѣми установившимися нынѣ теоріями о выдачѣ и объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. Въ виду чего остается только предложить—говоритъ г. Descamps—чтобы государства согласились принимать въ свои исправительныя учрежденія также и несовершеннолѣтнихъ иностранцевъ.

Что касается несовершеннолѣтнихъ иностранцевъ, уже отбывшихъ наказаніе и высылаемыхъ административнымъ путемъ за границу, на родину, то все три докладчика единогласно требуютъ въ этихъ случаяхъ соглашеній между обществами патроната двухъ заинтересованныхъ государствъ, дабы высылаемый за границу

*) Avocat, Président du Comité de Patronage des enfants moralement abandonnés.

находилъ на роднѣ, немедленно по прибытіи, помощь со стороны національных обществъ патроната.

Третій вопросъ, предложенный первой секціи, касался „условнаго примѣненія дисциплинарныхъ наказаній въ исправительныхъ учрежденіяхъ для дѣтей“.

Изъ представленныхъ трехъ работъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ докладъ директора колоній въ Mettray, г-на Gh. Cluze. Оказывается, что въ военной школѣ Rambouillet уже давно примѣняется условное примѣненіе наказаній, причемъ воспитанники могутъ освободиться отъ наказанія извѣстнымъ количествомъ дней безупречнаго поведенія (отъ 10 до 60, въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ). Благодаря этой системѣ, число наказаній, доходившее въ среднемъ до 19 дней на человѣка въ 1895 году и до 23—въ 1896 году, упало въ 1897 году сразу до 4-хъ дней, причемъ прощено было, какъ испуленныхъ хорошихъ поведеніемъ, только по 2,8 дня на человѣка. Г-нъ Cluze, на основаніи своего опыта, приходитъ къ грустному заключенію, что въ болѣе испорченной атмосферѣ исправительнаго учрежденія система условнаго наказанія имѣетъ гораздо меньше ощутительныхъ результатовъ.

Общее собраніе конгресса, однако, рекомендовало примѣненіе loi Bérenger для дѣтей исправительныхъ колоній—на первое время, для опыта въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

II.

Второй сессіи („Женщины и дѣвушки“) было предложено три вопроса.

Первый изъ нихъ гласилъ: „какая роль можетъ быть удѣлена женщинамъ въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ, по администраціи и по патронату?“ Двѣ женщины (баронесса Van Caloen и г-жа d'Abbadie d'Arrast) и одинъ товарищъ прокурора (H. Rödel) представили по этому вопросу подробные доклады. Работа г-жи Van Caloen представляетъ изъ себя историческую очеркъ той дѣятельности, которую проявили женщины съ XV—XVI вв. въ дѣлѣ заботъ о заключенныхъ; подробно описывается дѣятельность такихъ лицъ, какъ Marie de Ciz, Marquise de Barol, Sarah Martin, Joséphine Butler etc. Практическихъ указаній въ докладѣ имѣется очень мало. Болѣе интересны двѣ другія работы, гѣмъ паче, что онѣ совершенно расходятся въ своихъ заключеніяхъ. Г-жа d'Abbadie требуетъ, чтобы вся административная часть (вышѣ до высшихъ ступеней) была поручена въ женскихъ тюрьмахъ—исключительно женщинамъ. „Въ холодѣ и мракѣ голыхъ стѣнъ тюрьмы только рука женщины можетъ утирать слезы и перевязывать раны. Въ трагической тишинѣ живой могилы, тюремнаго зданія—проносится звукъ шаговъ. Заключенныя, бѣдныя униженныя заключенныя прислушиваются. Чу!—это отзвукъ жизни. Дверь открывается и въ камеру входитъ спокойная, величавая фигура надзирательницы, носительницы идеи прощенія и милости“ (стр. 386—387). Разъ нижній персоналъ долженъ быть женскимъ—продолжаетъ докладчица—необходимо, чтобы и высшій надзоръ принадлежалъ женщинамъ. Ибо „директоръ-мужчина, сколько бы такта и умѣнія онъ ни проявлялъ,

всегда будетъ находиться въ великомъ затрудненіи. Его паства всегда будетъ слишкомъ нервной, слишкомъ впечатлительною и щепетильной. Лучше командовать пятьюстами мужчинами, чѣмъ десятью женщинами (sic). Директоръ-мужчина въ женской тюрьмѣ поневолѣ долженъ ограничить себя чисто-формальными функциями и его постъ немедленно теряетъ столь важный элементъ торжественности, безъ коей нельзя обойтись. Женщины слишкомъ уже много разъ проявляли свои административныя способности, и никто не сомнѣвается, что во Франціи легко можно было бы найти необходимыхъ 5—6 директрисъ для существующихъ тюремъ. Въ заключеніе, г. d'Abbadie находить, что даже и въ мужскихъ тюрьмахъ многія мѣста могли бы быть съ пользою заняты женщинами.

H. Rödel приходитъ въ своемъ докладѣ къ заключеніямъ прямо противоположнымъ. Въ тюрьмахъ смѣшанныхъ—говоритъ онъ,—всѣ должности, кромѣ непосредственнаго надзора за заключенными женщинами, необходимо должны быть заняты мужчинами, такъ какъ невозможно допускать женщинъ къ исполненію обязанностей „общихъ“ по обѣимъ половинамъ тюрьмы. Но даже и въ тюрьмахъ исключительно женскихъ высшій надзоръ, т. е. должность директора-администратора, долженъ быть оставленъ въ рукахъ мужчины. „Женщины нуждаются въ авторитетѣ мужчины-администратора: мужчина необходимъ во главѣ подобной тюрьмы именно потому, что въ ней много женскаго персонала. Только тогда различные вопросы будутъ рѣшаться быстро и приводиться въ исполненіе съ неуклонностью“ (стр. 136). Всѣ должности привратниковъ и внѣ-оградныхъ сторожей могутъ потребовать наличности физической силы и потому также не могутъ быть поручаемы женщинамъ. Чиновники въ конторѣ тюремъ находятъ гораздо больше въ общеніи съ публикой, чѣмъ съ заключенными—и потому и эти обязанности лучше будутъ исполнены мужчинами. Переимѣна нынѣ существующаго положенія дѣла желательна главнымъ образомъ только по вопросу о томъ, чтобы стражами при перевозимыхъ женщинахъ-заключенныхъ были не мужчины, какъ это принято нынѣ, а женщины.

Необходимо отмѣтить, что оба доклада безъ всякихъ колебаній отмѣчаютъ, что женщина можетъ и должна играть доминирующую роль въ дѣлѣ *патроната*.

Обсужденіе этихъ трехъ докладовъ затянулось въ секціи настолько, что вмѣсто одного утра, какъ это предполагалось программой, ему было посвящено цѣлыхъ два дня. Пренія носили довольно страстный характеръ. На томъ засѣданіи, на которомъ мнѣ удалось присутствовать, публика даже размѣщеніемъ своимъ въ залѣ свидѣтельствовала о наличности двухъ непримиримыхъ лагерей. Слѣва сидѣли всѣ дамы и одинъ какой то американецъ, извѣстный только тѣмъ, что онъ мужъ единственной въ мірѣ директрисы тюрьмы (Массачузетсъ). Онъ, между прочимъ, произнесъ на ломаномъ языкѣ рѣчь, въ коей утверждалъ, что „въ тюрьмѣ у его жены все обстоитъ благополучно“. Рѣчь эта была встрѣчена ироническими возгласами правой стороны залы (мущины)—и громомъ рукоплесканій всѣхъ сосѣдокъ американца.

Со стороны мужчинъ говорилъ директоръ одной

женской тюрьмы и монах - доминиканец. Первый стал на точку зрѣнія административныхъ подробностей — и доказывалъ, что большинство изъ нихъ слишкомъ неинтересны и утомительны, чтобы женщинамъ стоило брать на себя обязанности директора и связанную съ ними канцелярщину. Второй говорилъ о томъ, что тюрьма есть прежде всего наказаніе, — что женщины не приличествуетъ брать на себя роль исполнителя произнесенной кары, — что ореолъ милости и любви, коимъ нынѣ окружены женщины въ тюрьмахъ, погаснетъ, если женщины будутъ олицетворять въ тюрьмахъ не только милосердіе, но и власть, — что, вообще, женщины лучше бы сдѣлали, если бы онѣ меньше говорили о своихъ правахъ, а больше думали о своихъ обязанностяхъ...

Въ заключеніе, секція вотировала пожеланіе весьма нейтральнаго характера, а именно „чтобы женщины не были систематически устраняемы отъ высшихъ административныхъ должностей.“

Второй вопросъ, предложенный второй секціей, гласилъ такъ: „Въ какой мѣрѣ желательно устраивать для освобожденныхъ женщинъ и дѣтей временные пріюты? Не было ли бы болѣе удобнымъ готовить, по возможности, ихъ помѣщеніе на работу заблаговременно, такъ чтобы онѣ переходили прямо изъ тюрьмы въ мастерскую?“

Какъ извѣстно, исторія этого вопроса заключается въ краткихъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Стокгольмскій пенитенциарный конгрессъ категорически отвергъ систему временныхъ убѣжищъ. Но уже въ 1885 году, въ Римѣ, секція отнеслась къ этой идеѣ благопріятно, а общее собраніе конгресса, если и вотировало противъ, то только ничтожнымъ большинствомъ голосовъ. Затѣмъ, въ 1890 году въ С.-Петербургѣ, въ 1893 г. въ Парижѣ, въ 1894 году въ Лионѣ, въ 1896 въ Бордо — все конгрессы вотируютъ въ пользу пріютовъ, признавъ ихъ полезность для мужчинъ и необходимость для женщинъ.

На конгрессѣ этого года было представлено три доклада за пріюты и одинъ *противъ*. Содержаніе послѣдняго, подписаннаго г-жею Ch. Vloeberghs *), заключается въ слѣдующемъ. Пріюты не могутъ имѣть никакого значенія ни для замужнихъ женщинъ, освобожденія которыхъ идутъ почти всегда съ нетерпѣніемъ мужъ и дѣти, — ни для дѣвушки-матери или вдовы съ дѣтьми, такъ какъ въ данномъ отношеніи женщины этой категоріи ничѣмъ не отличаются отъ первыхъ — ни, наконецъ для малолѣтнихъ, такъ какъ онѣ съ болшею пользою могутъ быть помѣщаемы въ такіе пріюты, которые организованы не исключительно для однихъ освобожденныхъ изъ тюрьмы. Такимъ образомъ, только для вдовъ безъ дѣтей и для незамужнихъ совершеннолѣтнихъ — пріюты могутъ имѣть какое-нибудь значеніе. Какова же будетъ организація подобныхъ пріютовъ? Очевидно, изъ нихъ невозможно устроить только убѣжище, дающее кровъ и содержаніе для женщинъ, еще не прискавшихъ себѣ работы. Подобнаго рода убѣжища, въ коихъ освобожденная женщина вращалась бы въ кругу болѣе, чѣмъ она,

испорченныхъ товарокъ и изъ коихъ она могла бы отлучаться безконтрольно, подѣ предлогомъ отыскиванія работы — подобнаго рода убѣжища быстро бы превратились въ притоны порока и лѣни. Необходимо, слѣдовательно, организовать обязательную работу. И въ этомъ заключаются громадныя трудности. Организовать трудъ однообразный для всѣхъ женщинъ, трудъ не требующій особенно большихъ предварительныхъ затратъ, трудъ, окупающій, по крайней мѣрѣ, употребленные матеріалы, — наконецъ, трудъ, продукты коего не являлись бы слишкомъ непосильной конкуренціей для честныхъ труженицъ — такова задача организаціи временныхъ убѣжищъ. Если прибавить къ этому то обстоятельство, что пребываніе въ убѣжищѣ будетъ, все-таки, свободнымъ — и что, слѣдовательно, дисциплина и надзоръ должны будутъ быть весьма снисходительными, — то можно себѣ представить, съ какими трудностями придется бороться завѣдующимъ убѣжищами. „Одна женщина дурныхъ нравовъ, попавъ въ компанію десяти воровокъ, испортитъ ихъ всѣхъ и сама сдѣлается воровкой. Такимъ образомъ, каждая новая женщина, допускаемая въ убѣжище, будетъ быстро впитывать въ себя все пороки всѣхъ остальныхъ.“ А поэтому: „будемъ не собирать въ одно мѣсто нашихъ питомицъ, а, наоборотъ по возможности разсеивать ихъ; испорченная женщина не будетъ имѣть возможности — одна на одинъ вести порочные разговоры; воровка будетъ работать на дому, дабы не имѣть соблазна утащить что-нибудь изъ мастерской.“ Вообще: „Я считаю, что временные пріюты не необходимы, такъ какъ въ Бельгіи нѣтъ ни одного подобнаго учрежденія — а между тѣмъ намъ удается возвращать въ честному труду многихъ бывшихъ преступницъ.“

Остальные три доклада, представленные адвокатомъ G. Vogelot и двумя дамами, г-жею Oster *) и г-жею С. Gerin **), написаны въ смыслѣ благопріятномъ для пріютовъ. Первый изъ докладчиковъ указываетъ, что лучшимъ рѣшеніемъ вопроса, конечно, было бы помѣщеніе освобожденныхъ прямо въ мастерскія. Но на практикѣ это не всегда осуществимо. Очень часто заключеніе продолжается такъ мало времени, что нѣтъ физической возможности пристроить преступницу куда бы то ни было. Кромѣ того, хозяева промышленныхъ предпріятій, раньше чѣмъ взять къ себѣ женщину съ безупречнымъ прошлымъ, выражаютъ обыкновенно весьма естественное желаніе увидѣть предлагаемую имъ работницу — для личнаго съ ней ознакомленія. Устроить имъ свиданіе въ тюрьмѣ, пока еще продолжается заключеніе, обыкновенно, невозможно: администрація можетъ справедливо подозрѣвать, что такіе господа посѣщаютъ тюрьмы изъ простаго любопытства; да, кромѣ того, невозможно показывать заключенную слишкомъ большому количеству предпринимателей, такъ какъ это можетъ ей повредить въ послѣдствіи. Въ виду всего этого, временный пріютъ является совершенною необходимостью. Не менѣе полезенъ

*) Déléguée de la Société de Patronage des Détenues, des Libérées et des Pupilles de l'Administration pénitentiaire.

***) Secrétaire du Patronage des Détenues et libérées de St. Etienne.

*) Vice présidente du Comité de patronage de Bruxelles. Présidente du Comité des Dames.

бываетъ онъ и въ иныхъ случаяхъ, когда патронатъ принимаетъ мѣры къ возвращенію преступницы въ лоно семьи. «Въ началѣ семья, обыкновенно, бываетъ настолько возмущена поведеніемъ своего преступнаго члена и произнесеннымъ осужденіемъ,—что прерываетъ всякія сношенія съ виновною. Ожесточеніе противъ послѣдней бываетъ обыкновенно очень велико и появленіе ея обратно въ семью было бы сопряжено съ униженіями, слишкомъ опасными въ психологической моментъ колебанія между возвратомъ къ честной жизни и новыми проступками». Въ такіе моменты примиреніе между семьей и преступницей лучше всего можетъ быть совершено на нейтральной почвѣ временнаго пріюта.

Въ весьма интересномъ докладѣ своемъ, г-жа Oster защищаетъ временные пріюты съ другой точки зрѣнія. Тюрьма—говоритъ она—оставляетъ свой отпечатокъ даже на людяхъ, наиболѣе расположенныхъ къ исправленію. Тюрьма мѣняетъ привычки человѣка, создаетъ у него озлобленность по отношенію къ родителямъ и хозяину, развиваетъ лживость и скрытность. Узнать настоящій характеръ заключенной почти невозможно, пока она находится въ стѣнахъ тюрьмы. Кроме того, внезапный переходъ изъ тюрьмы на полную свободу, со всеміи ея тяжелыми и неприятными сторонами, можетъ быть опасно; подобно тепличному растенію, сразу высаженному на открытый воздухъ, бывшая преступница можетъ не выдержать рѣзкости перемѣны. Временный пріютъ составляетъ, поэтому, стажъ, во время котораго преступница, съ одной стороны, постепенно привыкаетъ пользоваться своей свободой,—а, съ другой стороны, на дѣлѣ показываетъ, насколько ея исправленіе носитъ искренній и прочный характеръ. Поэтому, устройство пріютовъ чрезвычайно желательно. Впрочемъ, они могутъ быть полезны только въ томъ случаѣ, если число призрѣваемыхъ не превышаетъ 12—15 человѣкъ.

Докладъ г-жи Gerin, въ общемъ благоприятный идеѣ временныхъ пріютовъ, посвященъ частностямъ относительно наиболѣе цѣлесообразной организаціи убѣжищъ—и представляетъ менѣе общаго интереса.

Третій вопросъ былъ редактированъ слѣдующимъ образомъ: «О желательности соглашеній между пограничными государствами, въ видахъ облегченія положенія иностранокъ, высылаемыхъ за-границу административнымъ путемъ,—и ихъ малолѣтнихъ дѣтей». Докладъ, представленный по этому вопросу судебнымъ слѣдователемъ, г-номъ Prudhomme, содержитъ въ себѣ рядъ практическихъ совѣтовъ, прекрасныхъ самихъ по себѣ, но не объединенныхъ никакой общей идеей и не представляющихъ научнаго интереса (между обществами патроната должны быть устроены регулярныя сношенія;—въ тюрьмахъ должны быть вывѣшены афиши, указывающія, что иностранки могутъ обращаться за совѣтами туда-то;—патронаты должны обращать вниманіе на то, что многія лица, ошибочно принимаемыя за иностранцевъ, при провѣркѣ ихъ документовъ, вовсе не оказываются таковыми и т. д.).

III.

Третья секція, по моему мнѣнію, оказалась наименѣе интересною. Ей было предложено также три вопроса, а именно:

1. Какія мѣры патронатъ можетъ принимать до истеченія срока наказанія—для того чтобы обезпечить патронированному полученіе какого-нибудь заработка и, вообще, возвращеніе въ лоно общества (reclassement)?

2. Согласно какимъ принципамъ должно быть организовано общее и профессиональное образованіе въ тюрьмахъ?

3. О необходимости соглашенія между обществами патроната, существующими въ различныхъ государствахъ,—соглашенія, имѣющаго цѣлью справедливо распределять между ними расходы по водворенію на родину иностранцевъ—преступниковъ; о той роли, которую могла бы въ этомъ отношеніи сыграть международная постоянная коммиссія патронатовъ.

Третій изъ этихъ вопросовъ касается вопросовъ узко-спеціальныхъ и потому интересныхъ только для такихъ государствъ (какъ Франція и Бельгія,—Швейцарія, Испанія), гдѣ возвращеніе иностранцевъ на родину производится довольно часто. Я не считаю, поэтому, необходимымъ реферировать объ этомъ вопросѣ специально для русской публики. Доклады г-на Fuchs *) и Carpentier **) заслуживаютъ, однако, всякаго вниманія специалистовъ.

Пять докладовъ, представленныхъ по первому вопросу, также не могутъ быть резюмированы съ пользой на этихъ столбцахъ, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ просто рядъ отдѣльныхъ наставленій. Чтеніе этихъ совѣтовъ было бы весьма полезнымъ для лицъ, посѣщающихъ заключенныхъ—по реферированію они не поддаются, какъ и всякое другое практическое пособие.

Что касается вопроса о школѣ въ тюрьмѣ, то представленные четыре доклада вызвали въ общемъ собраніи оживленныя пренія. Большинство ораторовъ указывали, что предложенія докладчиковъ не осуществимы на практикѣ, такъ какъ они ставятъ для тюремной школы слишкомъ большія задачи. Ссылались при этомъ на докладъ г-на Campioni ***) , который желаетъ, чтобы заключеннымъ преподавалось: чтеніе, письмо, грамматика, отечественная исторія, географія общаго и, въ особенности, коммерческая, арифметика и геометрія, физика и химія (!). Указывали, что тюрьма, въ концѣ концовъ, все таки наказаніе, а не бесплатная школа; что очень многіе изъ заключенныхъ имѣютъ порядочное образованіе;—что преступленія совершаютъ не отъ невѣжества, а отъ слабости;—что наиболѣе важнымъ для заключенныхъ является не приобрѣтеніе новыхъ знаній, а укрѣпленіе ихъ энергій, воспитаніе ихъ воли, восстановленіе въ нихъ обыкновенно независимаго чувства довѣрія къ самому себѣ и къ окружающимъ.

Какъ слѣдствіе только что перечисленныхъ соображеній, нѣкоторые члены указали на желательность возможно большаго развитія нравственной стороны образованія. При этомъ произошла обычная стычка по вопросу о религіи. Одинъ изъ пасторовъ произнесъ

*) Président de l'Union de société de Patronage de l'Empire d'Allemagne.

**) Avocat, Secrétaire général de la société de Patronage de Lille.

***) Juge de paix, Membre de la Commission royale des patronages de Belgique.

горячую рѣчь о томъ фiasco, которое потерпѣли всѣ попытки создать мораль „безъ санкцій и безъ сверхчеловѣческаго“. По его предложенію, конгрессъ включилъ, поэтому, указаніе на необходимость религіозной основы для всякаго образования. „Если люди вѣрующіе рѣшаются на преступленія, то чѣмъ удержимъ мы несчастныхъ, лишенныхъ страха Божія?“. Участіе священниковъ въсѣхъ культвахъ въ дѣлѣ патроната признано, поэтому, весьма желательнымъ.

Чрезвычайно важное ограниченіе было внесено, кромѣ того, по предложенію предсѣдателя, указавшаго, что — по горькому опыту — удовлетворительная постановка школьнаго дѣла въ тюрьмахъ для заключенія менѣе одного года является дѣломъ совсѣмъ почти невозможнымъ. Поэтому, формулированное пожеланіе касается только тюремъ для долгосрочнаго заключенія.

А. П-енко.

Ст. 775 у. у. с. въ судебно-мировой практикѣ.

10 мая въ С.-Петербургскомъ столичномъ мировомъ сѣздѣ слушалось дѣло по обвиненію несовершеннолѣтняго крестьянина Вилле Ландера, обвинявшагося въ кражахъ пальто изъ Панаевскаго театра. Дѣло это представляло особый интересъ въ томъ отношеніи, что мировой судья, разбиравшій дѣло въ первой инстанціи, назначивъ Ландеру наказаніемъ три мѣсяца тюремнаго заключенія, уменьшилъ срокъ на полтора мѣсяца излишне отбытыхъ обвиняемымъ по двумъ совершенно другимъ дѣламъ, рѣшеннымъ другими судьями въ 1898 и 1899 годахъ.

Дѣло это 8 ноября 1899 года пошло сначала къ суд. слѣдователю, потому что Ландеръ значился уже дважды осужденнымъ за кражи. При производствѣ предв. слѣдствія выяснилось однако, что обѣ кражи, за которыя Ландеръ судился у мировыхъ судей 33 и 2 участковъ были совершены до перваго о немъ приговора; мировой судья 33 участка приговорилъ его 4 ноября 1898 года за кражу на полтора мѣсяца, а затѣмъ уже, когда онъ судился 3 марта 1899 года у мирового судьи 2 участка (по отбытіи перваго наказанія), этотъ судья, упустивъ изъ виду время совершенія проступка, назначилъ Ландеру трехмѣсячное тюремное заключеніе не по совокупности проступковъ и безъ зачета отбытаго уже полутора мѣсячнаго тюремнаго заключенія. Окружный судъ, согласно заключенію товарища прокурора, считая, что нынѣ совершенная Ландеромъ кража должна считаться второю, а не третьей, передалъ дѣло мировому судѣ 1-го участка. Обвиняемый Ландеръ на судѣ у мирового судьи чистосердечно въ совершенныхъ имъ кражахъ сознался и просилъ лишь о снисхожденіи, объясняя совершеніе проступка крайностью и невозможностью найти работу. Мировой судья, принявъ во вниманіе еще и то обстоятельство, что вслѣдствіе ошибочнаго направленія дѣла къ слѣдователю обвиняемый просидѣлъ болѣе пяти мѣсяцевъ подѣ предварительнымъ арестомъ, пришелъ къ указанному выше рѣшенію о зачетѣ прежняго полутора мѣсячнаго заключенія. Этотъ приговоръ судьи былъ опротестованъ товарищемъ про-

курора и сѣзду предстояло исправить ошибку судьи и возстановить срокъ заключенія до трехъ мѣсяцевъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвело это дѣло, благодаря исключительно сложившимся обстоятельствамъ, по которымъ обвиняемый, просидѣвъ въ заключеніи почти восемь мѣсяцевъ лишнихъ, долженъ былъ еще продолжать наказаніе сверхъ назначеннаго ему судьей. Мировой сѣздъ *) точно также отнесся весьма сочувственно къ участи обвиняемаго и, отмѣнивъ ту часть приговора судьи, которая относилась до зачета полутора мѣсячнаго заключенія, на основ. ст. 775 у. у. с., постановилъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ чрезъ г. министра юстиціи объ уменьшеніи Ландеру срока тюремнаго заключенія на полтора мѣсяца.

Въ своемъ приговорѣ сѣздъ говоритъ, что еслибы только онъ имѣлъ возможность, не нарушая дѣйствующаго закона, то счелъ бы непремѣннымъ своимъ долгомъ утвердить приговоръ мирового судьи, и что единственнымъ выходомъ по настоящему дѣлу для согласованія требованій закона и той справедливости къ участи обвиняемаго, которая составляетъ существеннѣйшую обязанность суда, является обращеніе къ монаршему милосердію Его Императорскаго Величества въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 775 у. у. с.

9 июня мировой сѣздъ получилъ отъ г. министра юстиціи предложеніе о томъ, что Государь Императоръ въ 7-й день юня сего года Всемилостивѣйше повелѣлъ соизволилъ: вмѣнивъ Ландеру въ наказаніе время нахождения по настоящему дѣлу подѣ стражею, отъ дальнѣйшаго содержанія его въ тюрьмѣ освободить.

Случай обращенія судебно-мировыхъ учреждений къ ст. 775 у. у. с. чрезвычайно рѣдки; возбуждался даже вопросъ о томъ, распространяется ли дѣйствіе этой статьи закона на мировыя учреждения. С.-Петербургскій столичный мировой сѣздъ, помимо нѣсколькихъ разъясненій сената по однороднымъ вопросамъ, имѣлъ, въ томъ же положительномъ смыслѣ, указаніе по дѣлу Михайлова, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ оштрафованъ въ 200 руб. градоначальникомъ за санитарныя упущенія по дому. Судья и сѣздъ, когда дѣло пошло, кромѣ административнаго, и судебнымъ порядкомъ, признавъ Михайлова виновнымъ въ нарушеніи, отъ наказанія его освободили на томъ основаніи, что онъ уже оштрафованъ градоначальникомъ. Сенатъ, по протесту товарища прокурора, отмѣнивъ такое рѣшеніе сѣзда, разъяснилъ, что въ виду исключительныхъ обстоятельствъ дѣла сѣздъ могъ единственно лишь обратиться къ ст. 775 у. у. с., но никакъ не освобождать отъ наказанія признаннаго имъ виновнымъ Михайлова.

*) Въ составъ: предсѣдательствующаго М. П. Глѣбова и мировыхъ судей Н. А. Окунева и С. Н. Никифорова.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Выездная сессия киевской судебной палаты.

Дѣло братьевъ Скитскихъ.

(Отъ нашего корреспондента).

(Окончаніе).

Рѣчь тов. прокурора Александрова-Дольника, Г. г. судьи, в. г. сословные представители! Чтобы разбраться въ сложномъ и чрезвычайно интересномъ матеріалѣ настоящаго дѣла, необходимо исходной точкой разсужденія выбрать документальныя данныя, и притомъ безспорно имѣющія для дѣла первенствующее значеніе.

Такими данными нельзя не признать протоколы осмотра трупа Комарова и той мѣстности, на которой трупъ этотъ былъ найденъ. Эти данныя свидѣлствуютъ, что смерть Комарова явилась слѣдствіемъ насилія. Относительно свойства насилія, эксперты разошлись во мнѣніяхъ. Одинъ врачъ, самъ видѣвшій трупъ Комарова въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ найденъ, производившій затѣмъ его вскрытіе и потому ознакомленный съ такими подробностями дѣла, которыя не поддаются описанію и включенію въ рамки официального документа, держится категорическаго убѣжденія, что Комаровъ лишенъ жизни посредствомъ давленія петлей. Профессоръ Патенко и врачъ Устименко, не отрицая вообще задушенія, какъ причины смерти Комарова, склоняются къ мнѣнію о томъ, что задушеніе въ данномъ случаѣ произведено было какимъ-либо мягкимъ предметомъ, а не петлей. Профессоръ Оболонскій вовсе отрицаетъ задушеніе, утверждаетъ, что убійцы причинили Комарову смерть насиліемъ другаго рода.

Объясненія Патенко и Устименко дѣлаютъ совершенно непонятнымъ присутствіе веревки, стягивавшей шею убитаго. Правда, случается, что убійцы, лишивъ жизни свою жертву, стараются искусственно извратить картину смерти. Дѣлается это исключительно для сокрытія либо самаго преступленія, либо личности преступника. Но развѣ веревка, надетая на шею Комарова, могла способствовать тому или другому? Развѣ давленіе петлей не признается такимъ же преступленіемъ, какъ и задушеніе иного рода, и развѣ задушившій Комарова полотенцемъ, платкомъ, подушкой или рукой не могъ удавить его веревкой и, наоборотъ, — удавившій его веревкой лишенъ былъ возможности задушить его рукой или полотенцемъ?

Самое существованіе петли вовсе не можетъ указывать на назначеніе веревки для чего-либо иного, кромѣ давленія. Напротивъ того, положеніе этой петли съ лѣвой стороны шеи, а не на затылкѣ, скорѣе доказываетъ, что за нее трупа не тащили, ибо въ такомъ случаѣ онъ волочился бы на противоположномъ отъ петли правомъ боку, а не ничкомъ, какъ это указываютъ стертая кожа на подбородкѣ и помарки на передней сторонѣ жилета и обоихъ колѣнахъ. Наконецъ, тащить за эту петлю было бы и неудобно.

Все это убѣждаетъ меня въ томъ, что прямымъ назначеніемъ обмотанной кругомъ шеи Комарова веревки было именно лишеніе его жизни, и что, при существованіи этой веревки, всякое предположеніе о другомъ способѣ задушенія, несогласное съ приведеннымъ мною общежитскимъ выводомъ, должно быть признано необѣдительно. Правильность такого вывода подтверждается также тѣмъ, что сами эксперты Патенко и Устименко при первомъ разбирательствѣ этого дѣла, по разсмотрѣніи тѣхъ же данныхъ судебно-медицинскаго свойства, высказали заключеніе, вполне согласное съ тѣмъ мнѣніемъ, при которомъ остается и нынѣ

врачъ Михновъ, и въ то время, очевидно, не находили въ означенныхъ данныхъ тѣхъ пробѣловъ, которые впоследствии заставили ихъ прійти къ другому убѣжденію.

Свидѣтельскими показаніями чиновниковъ консисторіи Вороницына, Никольскаго, Леонова и нѣкоторыхъ другихъ почти точно устанавливается, что Комаровъ 14 іюля вышелъ изъ консисторіи въ 2 часа 25 минутъ пополудни. При этомъ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы онъ, выйдя изъ консисторіи, куда-либо заходилъ. Вскорѣ послѣ этого видятъ его идущимъ за городомъ по дорогѣ къ себѣ на дачу описавшіе подробно его примѣты свидѣтели Ткаченко, Кошевой и Короцюпа— послѣдній уже въ полувѣрствѣ отъ мостика, перекинутаго черезъ оврагъ, невдалекѣ отъ самой дачи Скиффасовскаго. На слѣдующій день трупъ Комарова найденъ былъ лекашимъ у этого мостика. Это даетъ право предположить, что до мостика Комаровъ дошелъ. Повидимому вслѣдствіе знойной и вѣтряной погоды и судя по открытому зонтику, Комаровъ шелъ тихо, и поэтому былъ у мостика приблизительно черезъ 40 минутъ, т. е. никакъ не ранѣе начала 4-го часа дня. Это, по моему глубокому убѣжденію, и былъ послѣдній часъ земной жизни Комарова, такъ же, какъ мостикъ, у котораго онъ на слѣдующій день найденъ убитымъ, былъ тѣмъ мостикомъ, на которомъ онъ застигнутъ былъ убійцами.

Если бы Комаровъ свернулъ и былъ убитъ вдали отъ дороги, то совершенно непонятно, зачѣмъ убійцы принесли его къ дорогѣ. Если бы онъ перешелъ черезъ мостикъ — онъ уже черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ всступалъ на ту часть дороги, которая видна съ балкона его дачи.

Но здѣсь, на судебно-мъ слѣдствіи, Г. г. судьи и Г. г. сословные представители, мы выслушали нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, которыя набрасываютъ тѣмъ сомнѣнія на степень правдивости Г-жи Комаровой.

Указавъ на дружелюбныя отношенія Комаровыхъ, на отсутствіе въ дѣлѣ малѣйшихъ указаній на нелады въ ихъ семейной жизни, прокуроръ однако остановился подробно на предположеніи объ убійствѣ Комарова на дачѣ и приходитъ къ заключенію, что судя по времени убійства, по мѣсту нахождения трупа это предположеніе должно быть отброшено.

Что Комаровъ убитъ именно у мостика, видно изъ того еще, что по свидѣтельству Ткаченко, Кошевой и Короцюпа, Комаровъ 14 іюля шелъ съ открытымъ зонтикомъ. Зонтикъ этотъ найденъ былъ на слѣдующій день близъ трупа Комарова вывернутымъ наизнанку. Было бы слишкомъ большою натяжкой предположить, что въ такой видъ зонтикъ этотъ приведенъ нарочно лицами, принесшими его вмѣстѣ съ трупомъ. При моемъ же предположеніи обстоятельство объясняется вполне естественно. При нападеніи зонтикъ открытымъ выпалъ изъ рукъ Комарова на дорогу, а убійцы, спѣша, открытымъ же понесли его въ кусты. Тамъ онъ попалъ между вѣтвями и былъ вывернутъ.

Выводу этому противорѣчатъ показанія Вороницкаго и Крысы. Первое является плодомъ туманнаго досуга, а второе имѣетъ весьма неестественный характеръ, не соотвѣтствуетъ показанію Мочуговскаго.

Переходя затѣмъ къ вопросу о мотивахъ преступленія, прокуроръ доказываетъ отсутствіе корыстныхъ побужденій.

Остается, какъ на причинѣ убійства, остановиться на стремленіи къ достиженію какихъ-нибудь личныхъ интересовъ, либо на удовлетвореніи личной вражды или же, что вѣроятнѣе всего, на томъ и другомъ чувствахъ, соединенныхъ вмѣстѣ.

Причины вражды нельзя искать въ бракоразводныхъ дѣлахъ, дѣло Тржедакъ задолго до убійства

было уже рѣшено, а дѣло Ливина назначено къ слушанію лишь въ августѣ 1897 года, а рассмотрѣно консисторіей много позднѣе. Остается единственное предположеніе о виновности въ этомъ преступленіи братьевъ Скитскихъ.

Предположеніе это возникло еще до того, какъ трупъ Комарова былъ найденъ и очевидно находило себѣ твердую почву во взаимныхъ отношеніяхъ Комарова и Скитскихъ или, по крайней мѣрѣ, старшаго изъ нихъ—Степана. Изъ этого можно было предположить, что свидѣтельскія показанія сослуживцевъ Комарова, знавшихъ эти отношенія, должны были бы дать намъ вполне точную и опредѣленную картину ихъ. На дѣлѣ оказалось иначе; всѣ эти показанія отличаются блѣдностью и, на мой взглядъ, односторонностью. Объясняется это, по моему мнѣнію, положеніемъ, которое создали себѣ Скитскіе и Комаровъ. Обрисовавъ это положеніе и состояніе Полд. консисторіи, прокуроръ находить, что въ борьбѣ Комарова со Скитскимъ всѣ симпатіи были на сторонѣ послѣдняго.

При этихъ условіяхъ смерть Комарова не могла внести въ консисторію особенно глубокой скорби. Съ этой смертью устранилась причина, внесшая въ покойную жизнь ея нежелательныя новшества, являлась возможность возвращенія къ прежнимъ порядкамъ. И это обратное движеніе не заставило себя ждать. Началось оно уже черезъ три дня послѣ смерти Комарова, когда съ дверей канцеляріи было снято пресловутое запрещеніе Комарова и двери эти вновь гостеприимно распахнулись просителямъ.

Но внесенная Комаровымъ въ консисторію буря не обошлась и безъ утраты. По минованіи ея консисторская семья не досчиталась стараго и любимаго, по общему свидѣтельству, члена этой семьи Степана Скитскаго, на котораго падало подозрѣніе въ причиненіи Комарову смерти. Вспоминали мягкаго, услужливаго Скитскаго, а въ то же время вставалъ и образъ рѣзкаго, всегда готоваго на всякія противодѣйствія, Комарова. Оживали враждебныя къ послѣднему чувства и незамѣтно сглаживалось все то, что могло служить во вредъ Скитскому.

Мудрено ли послѣ этого, что показанія большинства служащихъ въ консисторіи не даютъ намъ никакихъ яркихъ, опредѣленныхъ указаній и что возстановить картину отношеній Степана Скитскаго къ Комарову можно только, собравъ въ этихъ показаніяхъ отдѣльныя мелкія указанія и сопоставивъ ихъ затѣмъ съ нѣкоторыми другими документальными данными.

Обратившись къ этимъ даннымъ, обвинитель выяснилъ вѣдательную роль Скитскаго въ консисторіи до пріѣзда Комарова. Мѣры, принятія Комаровымъ, и воздѣйствіе, направленное имъ лично противъ Скитскаго, должны были вызвать въ послѣднемъ особое раздраженіе.

Онъ, Скитскій, прослужившій въ консисторіи 20 лѣтъ и сумѣвшій умомъ и знаніями завоевать себѣ всеобщее уваженіе, вдругъ поставленъ въ необходимость выслушивать рѣзкія замѣчанія и выговоры отъ молодаго, едва сошедшаго со школьной скамьи, человѣка! Послѣ того какъ Скитскій добился назначенія казначеимъ, вскорѣ отношенія его съ Комаровымъ замѣтно для всѣхъ обостряются. Комаровъ сильно возмущается упущеніями и, не стѣняясь формой, указываетъ на нихъ Скитскому, при чемъ рѣзкія замѣчанія извѣстны всей канцеляріи.

Далѣе, Скитскій лишень былъ награды, что привело на него глубокое впечатлѣніе, достаточно ярко обрисовавшееся въ показаніяхъ арх. Иллариона и свид. Уралова.

Послѣдній годчокъ—предложеніе перейти обратно на должностъ столоначальника. Скитскій долженъ былъ понять, что далѣе онъ не можетъ существовать рядомъ съ Комаровымъ, что все равно рано

или поздно, волей или неволей, а ему придется уйти изъ консисторіи, если только въ ней останется Комаровъ. Но уйти—т. е. переломить всю жизнь—было, конечно, невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ Скитскій долженъ былъ сознавать свое полное безсиліе передъ Комаровымъ въ борьбѣ обыденными средствами, равно какъ и то, что единственною возможностью устранить его со своего пути—это лишить его жизни.

Но одному идти на такое дѣло страшно и вотъ Скитскій нашелъ товарища въ братѣ, такъ какъ естественнѣе всего было довѣриться брату, котораго къ тому же, какъ человѣка съ ослабленной отъ злоупотребленія спиртными напитками волей, не трудно было подчинить своему рѣшенію.

Коснувшись затѣмъ найденныхъ на мѣстѣ преступления остатковъ колбасы и хлѣба такъ же, какъ и бумажнаго мѣшочка, какъ улики противъ Скитскихъ, обвинитель подробнѣе остановился на картузѣ, полагая, что Скитскіе пришли изъ консисторіи, принеся съ собою этотъ изношенный картузъ для того, чтобы заставить думать, будто убійство Комарова совершено ради ограбленія къ-либо изъ шатающагося вокругъ города бродягъ, т. е. съ тою же цѣлью, съ какою были взяты съ трупа и часы.

Лицо, принадлежащее къ консисторіи, могло знать, что фуражка эта, попавшая въ консисторію случайно, провисѣла гдѣ-то на гвоздѣ дня четыре и исчезла. Найдя ее черезъ извѣстный промежутокъ времени, лицо это поэтому съ полнымъ основаніемъ должно было заключить, что о фуражкѣ этой если кто и зналъ, то болѣе не помнить и что, если признаетъ ее паче чаянія кто-либо изъ консисторскихъ сторожей, то предпочтетъ объ этомъ умолчать изъ опасенія навлечь подозрѣніе на самого себя.

По объясненіямъ П. Скитскаго оказывается, что отъ встрѣчи съ братомъ Степаномъ и до купанія на Ворсклѣ Петръ Скитскій утрачиваетъ память. А между тѣмъ при предположеніи убійства Комарова Скитскими, именно въ этотъ промежутокъ времени должны были произойти такія дѣйствія, которыя Скитскимъ необходимо скрыть. Обзорѣніе пути, по которому Скитскіе по ихъ словамъ шли, ясно доказало не только тѣ крайнія затрудненія, если не полную невозможность, пройти по этому пути съ пыльнымъ до безчувствія человѣкомъ, но и то, что Скитскій избиралъ какъ бы самую длинную и самую затруднительную дорогу. Въ противномъ случаѣ онъ, спустившись съ Лазаревскаго участка, не пошелъ бы прямо на высокую, крутую, заросшую густымъ кустарникомъ гору, съ тѣмъ, чтобы достигнувъ ея вершины, спуститься по противоположному, не менѣе крутому, склону внизъ, а повернулъ бы направо и такимъ путемъ безъ всякихъ подъемовъ достигъ бы той же Ворсклы, протекающей въ этой сторонѣ на болѣе близкомъ отъ участка Лазарева разстояніи. Очевидно это болѣе близкое къ Лазаревскому участку мѣсто Ворсклы не могло быть избрано для купанья, такъ какъ оно слишкомъ далеко отъ мѣста убійства. А къ этому надо еще прибавить, что встрѣча братьевъ Скитскихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, произошла въ 3-мъ часу дня, какъ разъ въ обѣденное время. Это обстоятельство должно было бы напомнить Степану Скитскому, что онъ ничего еще не ѣлъ, и служить лишнимъ побужденіемъ зайти до прогулки на Ворсклу домой, хотя бы для того, чтобы взять съ собой на эту прогулку какой-нибудь закуски. Между тѣмъ Скитскій не только этого не сдѣлалъ, но предпочелъ весь день 14 июля до поздняго вечера ничего не ѣсть. Я полагаю, что такія объясненія, приводящія къ положеніямъ, противъвѣщимъ самому простому житейскому опыту, не могутъ быть признаны правдивыми, и что Скитскіе стремятся ими скрыть дѣйствительное времяпровожденіе въ день убійства.

Далѣе, г. прокуроръ подробно останавливается

на подозрительномъ поведеніи бр. Скитскихъ, послѣ извѣстія о смерти Комарова. Весь этотъ матеріалъ можетъ привести только къ одному выводу—о виновности подсудимыхъ въ томъ преступленіи, за которое они преданы суду.

Но подсудимые стараются поколебать возможность такого вывода, доказывая между прочимъ, что они не могли быть на мѣстѣ преступленія во время его совершенія. Показанія свидѣтельницъ Поповой, Хмаровой и Кривошеевой по этому вопросу отличаются неестественнымъ оживленіемъ памяти, возбуждающимъ мысль о самообманѣ подъ влияніемъ волнующаго всѣхъ кругомъ судебного процесса. Рассказы ихъ не заслуживаютъ довѣрія еще и по заключающимся въ нихъ внутреннимъ противорѣчіямъ. Такъ, по словамъ Поповой, она вышла изъ дома по дѣламъ въ 2½ часа дня и на землѣ Лазарева встрѣтила братьевъ Скитскихъ, которыхъ знала только въ лицо, да и то потому, что жила съ ними по одной и той же улицѣ лѣтъ шесть тому назадъ. Казалось бы, что этотъ совершенно обыденный случай не могъ особенно заинтересовать Попову. По показанію же ея оказывается иначе. Возвратившись домой, какъ удостовѣрила Хмарова, въ 4 часа, т. е. черезъ 1½ часа послѣ ухода, Попова не только не забыла этого случая, но сочла даже нужнымъ рассказать о немъ Хмаровой, также проживавшей со Скитскими по одной улицѣ и хотя одновременно съ Поповой, но 12 лѣтъ тому назадъ. И очевидно объ онѣ придавали этой встрѣчѣ Поповой съ незнакомыми ей людьми особое значеніе, если встрѣча эта твердо запечатлѣлась въ памяти не только Поповой, но и Хмаровой, слышавшей лишь о ней отъ Поповой.

Не менѣе невѣроятнымъ представляется и рассказъ Кривошеевой и Киселевой, которыя ни на предварительномъ слѣдствіи, ни даже при двухъ предыдущихъ разбирательствахъ свидѣтельницами не являлись. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы Степанъ Скитскій 14 іюля 1897 года, поднимаясь съ братомъ по Монастырской горѣ, дѣйствительно встрѣтился съ Кривошеевой и Киселевой, то онъ сумѣлъ бы на первыхъ же порахъ, при самомъ представленіи ему обвиненія, настоять на допросѣ такихъ драгоценныхъ свидѣтельницъ, значеніе которыхъ онъ, конечно, не понимая не могъ.

Оставляя въ сторонѣ показанія Броваренки, Вороницына, Тимченки и Василя Ковалевскаго, какъ страдающія внутренними противорѣчіями, прокуроръ остановился на показаніяхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ пребываніе Скитскаго на почтѣ позже часа и пришелъ къ заключенію, что они, не только противорѣчатъ весьма достоверному показанію о. Мазанова, но и вносятъ въ дѣло такія сбивчивыя свѣдѣнія, въ которыхъ, невозможно разобраться.

По словамъ почт. чиновниковъ, они послѣ арестованія Скитскихъ часто толковали между собою объ этомъ дѣлѣ, припоминая часъ, въ который былъ у нихъ Скитскій 14 іюля. При одной изъ этихъ бесѣдъ, приблизительно около мѣсяца спустя послѣ убійства, какъ мы слышали отъ свидѣтеля Грипича, присутствовалъ и г. Зеленскій. Если бы въ то время чиновники эти указывали то-же, что они затѣмъ передавали здѣсь, то, надо полагать, что г. Зеленскій, принявъ на себя защиту братьевъ Скитскихъ, посѣщилъ бы заявить ходатайство о вызовѣ всѣхъ этихъ чиновниковъ къ первому же разсмотрѣнію дѣла.

Скитскіе, избравъ путь отъ артил. складовъ къ мостуку начали его за 20 минутъ до того, какъ Комаровъ вышелъ изъ консисторіи, ихъ путь, какъ мы осмотрѣвъ убѣдились, былъ короче пути Комарова и они, очевидно могли успѣть дойти до мѣста убійства ранѣе Комарова и притомъ не на 20 минутъ, а на гораздо большій промежутокъ времени.

И какъ разъ на этомъ пути видятъ свидѣтельница Бородаева двухъ бѣгущихъ по направленію къ мѣсту убійства людей, одѣтыхъ въ платье, сходное съ одеждой подсудимыхъ. О предположеніи, будто люди эти были Петерсоны, въ настоящее время мнѣ кажется и говорить нечего. Данныя ими на мѣстѣ указанія на то, что они поднимались по полянѣ, не въ одномъ, а въ разныхъ направленіяхъ, то сходясь, то расходясь другъ съ другомъ, ясно доказываетъ, что люди, которыхъ видѣла Бородаева, были другіе. Тѣ, по ея удостовѣренію, спѣшили по вполне опредѣленному направленію.

По разсматриваемому вами дѣлу гг. судьи и гг. сословные представители, не добыто такъ называемыхъ прямыхъ уликъ, тѣхъ совершенныхъ доказательствъ, которыя требовались въ уголовномъ процессѣ болѣе 35 лѣтъ тому назадъ. Но теорія формальныхъ доказательствъ миновала, и нынѣ послѣ благой судебной реформы вопросы о винѣ или невиновности разрѣшаются уже не по ариметическимъ выкладкамъ, а на основаніи твердаго по дѣлу убѣжденія.

Такое убѣжденіе въ этомъ дѣлѣ слагается противъ подсудимыхъ, и они должны понести заслуженное ими законное наказаніе.

Наказаніе это, въ силу 1451 ст. улож. наказ., §31 ст. уст. угол. суд. и состоявшагося о нихъ ранѣе приговора, отмѣненнаго Правительствующимъ Сенатомъ,—сылка въ каторжныя работы на 12 лѣтъ каждому".

Рѣчь прес. пов. В. В. Быховскаго. Повѣренный гр. истицы останавливается на предположеніи о причастности къ убійству Комарова его вдовы. Противъ нея выдвигаютъ то, что въ поискахъ своего мужа она не замѣтила по дорогѣ въ травъ, у знаменитаго мостика, очковъ покойнаго, не увидѣла засунутаго въ кушетку зонтика его и затѣмъ ей ставится въ вину, что въ запискѣ, найденной въ карманѣ убитаго, упоминалось о какомъ-то балѣ, стояли два восклицанія „О, о!“, сопровождавшихся таинственными восклицательными знаками.

Г. Быховскій подробно останавливается и на супружескихъ отношеніяхъ Комаровыхъ и спрашиваетъ: кто же осмѣлится теперь сказать передъ вами, что въ этой области можно искать какихъ бы то ни было указаній, намековъ и подозрѣній, имѣющихъ какую бы то ни было цѣнность въ настоящемъ дѣлѣ?

Далѣе, повѣренный гр. истицы останавливается на характеристикѣ Комарова, доказываетъ нелѣпость предположенія, что Комаровъ былъ революционеръ, казенный своими бывшими собратями, и поддерживаетъ мнѣніе прокурора, что не въ отношеніи его къ бракоразводнымъ дѣламъ нужно искать мотивовъ его убійства.

Такимъ образомъ, я полагаю, что всѣ эти разговоры о бракоразводныхъ дѣлахъ объясняются лишь однимъ усиленіемъ защиты укрытыя отъ ударовъ государственнаго обвиненія. А меня оно интересуетъ лишь постольку, поскольку оно касается личности Комарова. Чѣмъ болѣе я занимаюсь выясненіемъ образа этого выдающагося человѣка, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что погибъ 14 іюля 1897 года видный общественный дѣятель, идеально честный человѣкъ, глубоко преданный своему дѣлу. Намъ всѣмъ его жаль, а всѣхъ больше, конечно, сожалѣетъ его вдова, для которой онъ былъ не только идеаломъ мужа и человѣка, но и идоломъ, которому она безконечно поклонялась. Я не стану разбирать передъ вами доводы о грабителяхъ, якобы убившихъ Комарова. Это не выдерживаетъ критики само по себѣ и достаточно развито прокуроромъ, и наконецъ, не входитъ въ мою задачу.

Если мнѣ удалось убѣдить васъ и общественное мнѣніе, что вдова Комарова является несчастной и

притомъ гнусно оклеветанной жертвой тяжелаго преступленія, а Комаровъ былъ честнымъ гражданиномъ, о преждевременной смерти котораго все порядочные люди могутъ только скорбѣть, то считаю свою задачу выполненною.

Къ несчастью, я связанъ формальнымъ требованіемъ закона, и мнѣ приходится, къ глубокому сожалѣнію, упомянуть въ концѣ моей рѣчи о гражданскомъ искѣ. Никакихъ денегъ моя кліентка не ищетъ и навѣрное искать не будетъ, но тѣмъ не менѣе въ силу формальныхъ процессуальныхъ требованій, я прошу васъ, въ случаѣ, если бы вы удовлетворили ходатайство государственнаго обвиненія, признать за вдовой Комаровой право на искъ по формулѣ, заявленной въ просьбѣ о допущеніи ея гражданскою истицею.

Рѣчь защитника М. Д. Зеленскаго.

Г. Зеленскій подвергаетъ подробному анализу все указанные обвиненіемъ мотивы убійства и приходитъ къ выводу, что они слишкомъ мало-важны, слишкомъ ничтожны для того, чтобы могли возбудить въ сердцѣ Степана Скитскаго чувство такой страшной злобы къ Комарову и вызвать въ немъ рѣшимость на такое преступленіе. Уже слишкомъ велика и непобѣдима должна быть та сила, которая толкнула бы Степана Скитскаго на такое преступленіе и такимъ звѣрскимъ способомъ, свойственнымъ лишь профессиональному убійцѣ.

Прежде всего нельзя согласиться съ доводами обвиненія, будто со вступленіемъ Комарова на должность секретаря Полтавской духовной консисторіи между нимъ и Степаномъ Скитскимъ сразу установились недружелюбныя отношенія, которыя впоследствии стали враждебными. Предположеніе это опровергается не только показаніемъ всехъ свидѣтелей, начиная съ преосвященнаго, членовъ консисторіи и другихъ, удостовѣрившихъ, что между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ сначала существовали хорошія отношенія, но и тѣми письменными данными, имѣющимися въ дѣлѣ, на которыя сослался обвинитель. Данныя эти убѣждаютъ насъ въ томъ, что Комаровъ, послѣ вступленія на должность секретаря, вскорѣ отъѣхалъ Степану Скитскаго, который сдѣлался ближайшимъ помощникомъ Комарова въ его многосложныхъ занятіяхъ и довѣреннымъ лицомъ. Это видно изъ того, что въ 1895 году Комаровъ поручилъ Степану Скитскому капитальный ремонтъ консисторіи, въ августѣ 1896 года во время двухмѣсячнаго отъезда въ Одессу поручилъ ему исправленіе своей должности секретаря, хотя Степанъ Скитскій въ то же время исправлялъ должность казначея, что указывало на особое довѣріе Комарова къ Степану Скитскому, такъ какъ по показанію члена консисторіи протоіерея о. Мазанова цѣнность содержимаго казеннаго ящика гарантируется находеніемъ одного ключа отъ ящика у секретаря, а другого у казначея, тамъ же хранятся и печати членовъ, которыми печатается ящикъ. Это доказываетъ, что Комаровъ довѣрялъ Степану Скитскому даже больше, чѣмъ законъ довѣрялъ самому Комарову. А по возвращеніи Комарова изъ отъезда Степанъ Скитскій, по предложенію Комарова, утвержденъ былъ 26 октября 1896 года въ должности казначея.

Ясно, что указаніе обвинителя, будто Комаровъ унижилъ Степана Скитскаго, уничтожилъ его значеніе неосновательно. Затѣмъ, съ января 1897 года отношенія между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ измѣнились. Степанъ Скитскій, лишенный Комаровымъ награды къ празднику Пасхи, изъ прежняго веселаго, разговорчиваго, шутившаго, сдѣлался скучнымъ, молчаливымъ, сосредоточеннымъ.

Намъ извѣстно, что въ январѣ мѣсяцѣ 1897 года Степанъ Скитскій не могъ представить годовой отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ Полтавской духовной консисторіи за 1896 г., вслѣдствіе недостат-

ка 300 руб., такъ что къ концу этого года не была разослана сумма до 13.000 руб.

Понятно, что происходило въ душѣ Степана Скитскаго, прослужившаго 20 лѣтъ въ консисторіи, ничѣмъ не запятнаваго своего имени, при мысли о предстоящемъ ему незаслуженному обвиненіи въ растрату казенной суммы, о потерѣ добраго и честнаго имени, которымъ онъ такъ дорожилъ составлявшемъ единственное его достоинствіе и при немъ-ли никакихъ средствъ, кромѣ жалкаго домишка на Павлинкахъ, для пополненія этого недостатка,—мудрено-ли, что Степанъ Скитскій, находясь въ такомъ удрученномъ состояніи, сдѣлался скучнымъ, неразговорчивымъ и пересталъ шутить—да, не до шутокъ ему было. Сослуживцы, не привыкшіе видѣть Степана Скитскаго въ такомъ настроеніи, приписали это вполнѣдствию враждѣ его къ Комарову. Изъ разказа свидѣтельницы Будаевской мы знаемъ, что Степанъ Скитскій передалъ женѣ своей, что если ему придется подвергнуться отвѣтственности за растрату, то онъ не перенесетъ этого и скорѣе застрѣлится. Отчаяніе Степана Скитскаго такъ подѣйствовало на жену его, что съ ней сдѣлалось сильная остерика, Будаевская сама послала за докторомъ; Скитская проболѣла три недѣли.

Что касается разговора Ст. Скитскаго съ преосвященнымъ, то и здѣсь нельзя усматривать выраженіе злобы Скитскаго. Слова его „не могу Ваше Преосвященство, какъ угодно“, объясняются тѣмъ, что Скитскій не представилъ правильнаго отчета и сознавая правоту Комарова и виновность свою передъ нимъ, не въ силахъ былъ объясниться съ Комаровымъ, и это была не злоба кипучая, а глубокое сознание своей вины передъ Комаровымъ, которую онъ пока не могъ загладить.

Далѣе, изъ показанія члена консисторіи отца Уралова мы узнали, что предложеніе Степану Скитскому перейти на прежнюю должность столоначальника сдѣлано было по инициативѣ самихъ членовъ консисторіи, а не лично отъ Комарова, причемъ предварительно обсуждали, что переводъ этого не можетъ обидѣть Скитскаго, такъ какъ столоначальникъ получаетъ жалованья на 100 рублей больше и должность эта выше должности казначея.

Такимъ образомъ и въ этомъ обстоятельстве мы тщетно стали бы искать мотивовъ преступленія; поэтому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія согласиться съ доводами обвинителя, что мотивомъ къ совершенію убійства послужила служебная месть.

Переходя къ вопросу: могли ли подсудимые во время убійства Комарова находиться на томъ мостикѣ, гдѣ, по утвержденію обвинителя, совершено убійство Комарова, защитникъ на основаніи показаній свидѣтеля Котелевца-Знайкова, Лекторскаго и Вороницына доказываетъ, что Комаровъ вышелъ изъ консисторіи въ 2 ч. 10 м., а не въ 2 ч. 25 м., какъ утверждаетъ обвинитель.

Если это такъ, то въ виду обѣщаній Комарова женѣ своей возвратиться домой къ 3 часамъ онъ, очевидно долженъ былъ спѣшить, какъ оно и видно изъ того, что онъ вышелъ изъ консисторіи, не подписавъ, вопреки обычному порядку, нужныхъ бумагъ.

Такимъ образомъ, если положить на весь путь Комарова 40—50 м., то окажется, что онъ былъ на мостикѣ не позже 2 ч. 50 мин. дня.

Затѣмъ защитникъ переходитъ къ выясненію вопроса, могли ли Скитскіе къ означенному моменту быть на мѣстѣ преступленія, причемъ объясняетъ, что когда г. Гриничъ сообщилъ ему, что Воробьевскій и Тюнчій знаютъ что Скитскій 14 іюля былъ на почтѣ и ушелъ около 2 часовъ, то было уже поздно заявлять ходатайство о вызовѣ.

Прослѣдивъ затѣмъ путь Ст. Скитскаго, г. Зеленскій приходитъ къ выводу, что братья не могли поспѣть къ мостику раньше 3 ч. 10 м., когда они уже застали бы трупъ Комарова.

Но помимо этого, по дороге (мимо провиантскаго магазина и артиллерій склада) Скитскіе, и изъ нихъ Степанъ въ блѣдномъ форменномъ кителѣ, не могли бы остаться незамѣченными часовыми, ихъ обязательно долженъ былъ замѣтить съ поворота на кирпичный заводъ самъ Комаровъ, ихъ долженъ былъ видѣть пастухъ Ткаченко, пасшій скотъ какъ разъ противъ этого мѣста, наконецъ, ихъ обязательно долженъ былъ видѣть Кошевой, ѣхавшій съ водой отъ пруда; но намъ никто не подтвердилъ, что кто-нибудь видѣлъ двухъ стремившихся къ мосту людей.

Въ виду этого, а также и самаго характера показанія Вородаевой, которое именно и намѣтило этотъ путь для обвиняемыхъ, защитникъ сомнѣвается въ истинности этого показанія и думаетъ, что дорогой по спуску съ Фабрикантской горы Скитскіе идти не могли, и слѣдовательно Вородаева, если и видѣла бѣгущихъ, то Петерсоновъ, а не Скитскихъ.

Далѣе, г. Зеленскій доказываетъ, что убійство не могло быть совершено на мостикѣ, какъ потому, что тамъ проѣзжалъ водовозъ, такъ и потому, что убійцы не могли знать, что Комарова не выйдетъ въ тотъ день на встрѣчу къ мужу.

Не соглашаясь съ обвинителемъ что смерть Комарова произошла отъ удушения веревкой, г. Зеленскій останавливается подробно на улики, которую обвинительная власть усматриваетъ въ найденной на мѣстѣ преступленія шапкѣ, и высказываетъ, что для отвода глазъ Скитскій не оставилъ бы шапки сторожа, такъ какъ этимъ онъ, напротивъ, наводитъ бы на себя подозрѣніе.

Рѣчь защитника, пріис. повѣр. Б. П. Куликова. Теперь, когда дѣло прошло уже (и неоднократно) всѣ стадіи процесса, и мы находимся въ концѣ этой длинной утомительной дороги, теперь лучше, чѣмъ когда-нибудь, обернувшись назадъ, можно увидѣть странную исключительную перспективу пройденнаго этимъ дѣломъ пути. Обыкновенно бываетъ такъ: противъ даннаго лица выдвигается известное количество фактовъ, улики. Они подвергаются затѣмъ судомъ; подтверждаются, признаются достаточными — и преступникъ найденъ, падаютъ, опровергаются — и общество признаетъ, что пошло не по тому пути. Подсудимый оправдывается; начинаютъ искать въ другомъ мѣстѣ, если это еще возможно... Совѣсьмъ не то здѣсь.

Улики, выставленныя въ самомъ началѣ, улики, которыя были предъявлены Скитскимъ полиціей и при первыхъ шагахъ слѣдователемъ, давно уже пали. На ихъ мѣсто обвиненіе заботилось выставлять новыя, и, по мѣрѣ того, какъ онъ рушились, дѣло вновь мѣняло свой видъ и свое положеніе.

Выходить, какъ будто уже то обстоятельство, что Скитскіе — подсудимые, говорить что то противъ нихъ и при выясненіи однихъ обстоятельствъ въ ихъ пользу должны быть найдены другія, но непременно противъ нихъ и ничего больше.

Прежде всего арестованіе Степана Скитскаго состоялось потому, что приставъ Паренко нашелъ на его рукахъ царпины, а на костюмѣ его „подозрительныя, якобы замѣтыя пятна“. Въ мѣстѣ съ тѣмъ на подошвѣ башмака оказался „волосъ“ — одинъ изъ тѣхъ — по выраженію г. Иванова — которые имѣли обыкновеніе носить Комаровъ.

Но при первомъ же разсмотрѣніи выяснилось, что никакихъ замѣтыхъ мѣстъ на костюмѣ нѣтъ, что пятна эти образовались отъ грязи. Улетѣлъ и волосъ г. Иванова. Что касается царпинъ, то признаюсь, я считалъ это уже давно погребеннымъ, но г. представитель гражданскаго иска вывелъ это вновь на свѣтъ Божій, распрашивая на сулебномъ слѣдствіи пристава Семенова, въ это ли мѣсто руки собственно должны были бы ущемить раки, если бы ихъ ловилъ Степанъ Скитскій. — Да развѣ, если говорятъ, что

царпины получены во время ловли раковъ, то это значить, что именно отъ ущемленія самими раками онѣ получились? Царпины могли получиться отъ камней, водорослей и другихъ предметовъ на днѣ и берегу рѣки. Наконецъ, когда видишь у себя царпины, развѣ всегда можно сказать, гдѣ и когда ихъ получилъ. Дѣло въ томъ, что царпины одинаковыя оказались и на рукахъ и на ногахъ Скитскихъ. Не думаетъ же повѣренный истицы, что подсудимые для убійства предварительно раздѣлись голыми! А тогда значить, что царпины эти никакой связи съ убійствомъ не имѣютъ. Но, говорю я, это уже давно пало.

И сейчасъ послѣ этого были выдвинуты улики, ужасныя по своей невозможности, скажу, навѣрности, ужасныя потому, что все таки онѣ были выдвинуты. Я говорю о кускахъ колбасы, обрѣзкѣ хлѣба, водкѣ и бумажномъ мѣшочкѣ, что все было найдено на предполагаемомъ мѣстѣ засады. Сюда же надо присоединить и веревку, „во всемъ схожую съ веревкой изъ консисторіи“.

Прежде всего относительно колбасы...

Г. Лангеръ говоритъ намъ, что найденная колбаса похожа на его издѣліе, но дѣйствительно ли это его издѣліе — онъ въ точности сказать не можетъ Г-жа Лангеръ передаетъ, что 3 года тому назадъ, вернувшись отъ слѣдователя, ее мужъ сказалъ ей, что вотъ такъ именно онъ и показалъ тогда. Но г. представитель гражданской истицы подозреваетъ это показаніе. При этомъ онъ пользуется пріемомъ, который, казалось бы, не слѣдовало вводить въ судебное слѣдствіе. Онъ говорилъ слѣдователю: я не знаю въ точности своихъ правъ... Могу ли „я предложить свидѣльницѣ вопросъ о родствѣ ея съ защитникомъ Зеленскимъ?“ Слово было сказано, и защита настояла, чтобы это было изслѣдовано. И что же выяснилось? Г. представитель гражданскаго иска предполагаетъ, что отъ прозрѣнія того, что ее дочь въ 1900 году выйдетъ замужъ за племянника Зеленскаго, свидѣльница можетъ лжесвидѣтельствовать въ мартѣ 1898 года!!

Свидѣтели Матвѣевъ и Коцора говорятъ, что видѣли въ послѣдніе дни Степана Скитскаго въ колбасной, но не помнятъ, зачѣмъ онъ приходилъ. Но хорошо, пусть найденная колбаса будетъ, дѣйствительно, издѣліемъ Лангера, пусть Скитскій въ послѣдніе дни, дѣйствительно, былъ въ колбасной. Что же это можетъ значить? Дневная выручка этой колбасной равняется 25 рублямъ; значить, отъ 70 до 100 человекъ въ день покупаютъ въ этомъ магазинѣ такую колбасу. Но это еще не все...

Оказывается, что во всей Полтавѣ есть единственное заведеніе колбасъ, и именно Лангера. Какой же это въ такомъ случаѣ можетъ быть уликой, когда каждый, купившій колбасу въ Полтавѣ, купилъ бы ее именно у Лангера! Что можно на этомъ строить?

То же самое съ огрызкомъ хлѣба. Такой хлѣбъ въ лавочкѣ Воронеля могъ купить и Скитскій и всякій другой его покупатель. Но хлѣбъ этотъ самъ Воронель не печетъ, а покупаетъ его изъ булочной. Изъ этой же булочной этотъ хлѣбъ расылается и въ другія лавочки. А слѣдовательно, какое количество лицъ въ этотъ день, какъ и въ другіе, ѣло такой хлѣбъ и сколько такихъ корочекъ было въ Полтавѣ и ея ближайшихъ окрестностях!

Мѣшочекъ же является указаніемъ скорѣе на то, что не Скитскіе, а другіе сидѣли на вытолочномъ мѣстѣ. Мѣшочекъ этотъ, говорить Воронель, предназначался „для сыпучихъ тѣлъ“. Степанъ же Скитскій не покупалъ такихъ сыпучихъ тѣлъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, что совершенно установлено. Жена его жила на дачѣ, и онъ дома не обѣдалъ.

Что касается веревки, то хотя эта веревка — не какая нибудь обыкновенная, и много такихъ веревочекъ по лицу земли русской, но и это уже окончательно пало: веревка на шеѣ убитаго оказалась не такой, какъ веревка изъ консисторіи...

Вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигается страшное, а въ этомъ дѣлѣ уже и нѣсколько комическое: „Скитскіе не могли доказать, гдѣ они были во время, когда было совершено преступленіе“. Страшное, ибо какая же это улика: она можетъ быть примѣнена ко всякому, кто безъ свидѣтеля пошелъ гулять за герольдъ, и имѣющее здѣсь комическій элементъ, потому что, гдѣ были Скитскіе,—это уже давно и точно доказано.

Въ самомъ началѣ было установлено, что Скитскій былъ въ домѣ Мартиновой 14 числа между 2 и половиной 3-го.

Оказалось, что къ мѣсту убійства Скитскіе должны были бы бѣжать по предполагаемой тогда дорогѣ все время вмѣстѣ или впереди въ виду Комарова.

Казалось, все кончено. Но вѣтъ. Обвиненіе совершенно перемѣняетъ свое положеніе и утверждаетъ, что все же это были Скитскіе, только бѣжали они по другой дорогѣ.

Является женщина, которая видѣла, не помнитъ точно въ какой день, не знаетъ кого, но двухъ спѣшившихъ людей.

Прежде всего я думаю, что не можетъ быть понятъ истерическій крикъ Бородаевой: „это они“, какъ доказательство того, что она этихъ людей узнала. Дѣло въ томъ, что Скитскіе были посланы по тому пути, по которому только что сама Бородаева ихъ провела. Она же думала, что идутъ люди (Петерсоны), которые не видѣли пути, указанного ею, и, увидя, что они идутъ такъ, какъ и тѣ, которыхъ она замѣтила три года назадъ, она и рѣшила: „да, да! они, значить они“. Но, конечно, не людей же самыхъ она узнала, вѣдь, она наканунѣ видѣла Петерсоновъ въ судѣ и считала, смотря теперь съ площадки, что это и есть Петерсоны.

Итакъ, Бородаева видѣла двоихъ. Кто это былъ—неизвестно. Когда это было? Она говоритъ, что это было или 14, или 15-го. Во-первыхъ, она передаетъ, что въ этотъ день экономъ корпуса дѣлалъ закупки для праздника. Мы здѣсь слышали, что онъ могъ дѣлать покупки или для своего семейнаго праздника, и тогда это должно было имѣть мѣсто 15-го июля, или для любительскаго спектакля въ корпусѣ, тогда это было еще позднѣе.

Затѣмъ въ день, когда вышла Бородаева на свою площадку, была тихая погода. „Если-бы было вѣтряно, я не вышла-бы изъ комнаты“, сказала она. А отъ 1-го Комаровой мы знаемъ, что 14-го числа въ день убійства было очень вѣтряно. Такимъ образомъ, что за улику мы имѣемъ здѣсь? Вѣдь, если-бы Бородаева видѣла бѣгущихъ Скитскихъ, то вотъ это была бы косвенная улика, все же не прямое доказательство, а лишь косвенная улика противъ нихъ. Но такъ какъ она и сама не знаетъ, когда видѣла неизвѣстныхъ людей, т. е. въ какой день, то это ничто, изъ этого ничего нельзя вывести.

Но далѣе, вѣдь и послѣдующій путь Скитскихъ, путь отъ дома Мартиновыхъ къ Ворсклѣ является, какъ я говорилъ уже, вполне доказаннымъ. Попова и Кривошеева видѣли Скитскихъ на Лазаревскомъ спускѣ. Казалось бы, о чемъ тутъ далѣе и говорить!

Но у насъ при разсмотрѣніи дѣла всегда является какое то странное, совершенно неправильное раздѣленіе свидѣтелей на два разряда: свидѣтелей обвиненія и свидѣтелей защиты.

И тѣ и другіе, вѣдь, свидѣтельствуютъ о фактахъ, которые они видѣли. Судебный слѣдователь долженъ былъ одинаково допрашивать и тѣхъ, и другихъ. И въ данномъ случаѣ, если бы всѣ были допрошены, то давно и спокойно было бы установлено alibi Скитскихъ и настоящее дѣло не должно было бы быть предоставлено вашему суду. Но судебный слѣдователь, однако, не допросилъ большинства очень важныхъ свидѣтелей, и вотъ поэтому на судѣ появляется какой-то новый ихъ „разрядъ свидѣтелей защиты“: они въ особомъ положеніи и къ нимъ особо и относятся. Въ данномъ дѣлѣ это

доходить до уродливыхъ размѣровъ. Одни долго и просрочно повѣствуютъ и спрашиваются гражданскимъ испомомъ о всемъ рѣшительно, и каковъ былъ у Степана Леонтьевича видъ, и каково выраженіе его глазъ, и отчего могла произойти опухоль на пальцѣ... Въ повѣствованіяхъ этихъ нѣкоторыхъ представителей полиціи воздвигались какія то зданія косвенныхъ уликъ, не дошедшихъ даже до слѣдователя, не провѣренныхъ имъ.

Вѣдь, если уже спрашивать такъ обо всемъ рѣшительно лицъ, производившихъ разслѣдованіе, вмѣсто того, чтобы вызывать самихъ, являющихся источниками свѣдѣній, то лучше было бы вызвать судебного слѣдователя: онъ бы все рассказалъ, что узналъ по этому дѣлу. Однако, законъ не разрешаетъ этого. Но при такомъ допросѣ полиціи въ сущности является то же, съ тою только разницей, что матеріалъ, вносимый въ судъ, не есть матеріалъ свѣдѣствія, а матеріалъ дознанія, т. е. матеріалъ, которому не довѣряетъ законодатель, и который вовсе не долженъ бы былъ явиться на судъ.—И дѣйствительно, вѣдь въ трехъ четвертяхъ всего, это есть „агентурныя свѣдѣнія черезъ окольныхъ людей“, какъ выразился приставъ Семеновъ, а по выраженію устава уголовного судопроизводства „слухи, неизвѣстно отъ кого происходящія“. И какъ опасны эти слухи, какъ они невѣрны, ярко доказывается именно въ этомъ дѣлѣ. До свѣдѣнія суда доведено, между прочимъ, черезъ третьи и четвертыя руки три слуха: будто Скитскій говорилъ Богаевскому, что не можетъ слышать имени Комарова, будто Шинитько 16-го числа долженъ былъ успокоивать и носить воду Степану Леонтьевичу, будто Степанъ Леонтьевичъ какъ то загадочно при Соколовой писалъ и разрывалъ письмо. Защита просила вызвать самихъ Богаевского и Соколова и допрашивала по этому поводу самого Шинитько и что-же?—все это оказалось чистѣйшимъ вымысломъ.

Но появляются затѣмъ другіе свидѣтели, свидѣтели, которыхъ долженъ былъ, но не допросилъ слѣдователь, свидѣтели защиты.

И они оказываются въ такомъ положеніи, что однихъ, почтовыхъ чиновниковъ, долженъ взять подъ защиту ихъ начальникъ, говоря, что онъ вынужденъ ихъ защищать. Другой, священникъ Костецкій, въ подтвержденіе того, что онъ не солгалъ въ Харьковѣ на судѣ, оказался принужденнымъ принести казенную книгу, вполне подкрѣпляющую его слова.

Во имя чего будутъ лжесвидѣтельствовать эти почтенные люди, во имя чего будетъ говорить неправду Попова и эта начинающая жизнь дѣвушка Кривошеева. Попова, вѣдь, къ тому же появилась тогда, когда ей помощь была и не нужна Скитскимъ: она показала первый разъ то, что она теперь говоритъ намъ, 2 года тому назадъ, сейчасъ послѣ того, какъ Скитскіе были оправданы въ Полтавѣ.

Ея показаніе очень ясно. Она вышла изъ своей пивной и прошла къ себѣ на квартиру. Ближайшій путь оттуда въ тотъ домъ, куда она направлялась, и есть та діAGONАЛЬНАЯ дорожка черезъ землю Лазарева, которую она указала... Мѣсто здѣсь чистое, и она, конечно, точно могла видѣть то мѣсто, по которому Скитскіе спускались 14-го въ половину 3-го дня. Попова и указала намъ точно и это было то самое мѣсто, которое показалъ намъ прежде Степанъ Скитскій. Что касается Кривошеевой, то нѣкоторое несовпаденіе пути, ею указанного, съ путемъ, указаннымъ Степаномъ Леонтьевичемъ, именно и убѣждаетъ меня въ ея полной правдивости. Дѣло было въ лѣсу. И будьте увѣрены, еслибы это была лжесвидѣтельница, она вполне точно указала бы намъ то дерево, у котораго она видѣла Скитскихъ. Допущенная ею ошибка именно такова, какая она можетъ и даже должна быть, когда указывается мѣсто въ лѣсу. При этомъ Кривошеева сказала, что она не можетъ точно указать изъ-за

тѣхъ ли деревьевъ вышли Скиткіе, отсюда-ли „или ажъ оттуда“, какъ она выразилась и при этомъ указала направо. Припомните также, Степанъ Скитскій сказалъ, что въ тотъ день, 14-го, онъ вышелъ ближе къ клунѣ, т. е. шелъ лѣвѣе, чѣмъ теперь съ нами. Такимъ образомъ, если взять мѣсто, о которомъ Кривошеева говорила, что можетъ они вышли „ажъ оттуда“ и взять путь лѣвѣе того, что мы шли, то это вполне совпадаетъ, и тогда, дѣйствительно, Скитскіе должны были выйти такъ, что клуны у нихъ осталась влѣво и пастушокъ Бѣлизный справа. Далѣе они прошли на Вореклу, и, обращая вниманіе особаго присутствія, Степанъ Скитскій, пока намъ не прервала путь насыпь строящейся желѣзной дороги, велъ насъ именно въ томъ направленіи, въ какомъ затѣмъ Гнатовичъ указалъ мѣсто купавня Скитскихъ. Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что такъ оно и было въ дѣйствительности. Но, говорятъ, какъ же Петръ можетъ не помнить этого пути? На это отвѣтили намъ профессора судебной медицины: Да, можетъ; бываютъ случаи алкогольнаго автоматизма. Помимо спрощенныхъ здѣсь профессоровъ, наука говоритъ намъ, что явленіе это не рѣдкое и не удивительное. Crothers и Beard описываютъ особую форму проходящаго состоянія алкоголиковъ, когда сознаніе съ внѣшней стороны какъ будто совершенно сохранено, но только въ послѣдствіи человекъ ничего не помнитъ изъ того, что онъ дѣлалъ. Такъ Crothers рассказываетъ объ одномъ кондукторѣ на конкѣ, который во время транс исполнялъ свою службу, давалъ билеты, получалъ деньги и не могъ затѣмъ отдать ни малѣйшаго отчета о происходившемъ. Такія состоянія возбуждаются новымъ приемомъ алкоголя, количество котораго вовсе не должно быть чрезмѣрно.

Это вполне соответствуетъ и условіямъ настоящаго дѣла.

А главное—какіе рельефные случаи такого автоматизма мы знаемъ уже въ прошлой жизни Петра. Припомните, какъ онъ однажды цѣлую ночь ходилъ по улицамъ, какъ онъ другой разъ мылся въ грязномъ корытѣ, и затѣмъ ничего этого не помнилъ.

Припомните, какъ Петръ въ томъ же Монастырскомъ лѣсу выстрѣлилъ въ себя изъ револьвера, нанесъ себѣ рану и пришелъ оттуда пѣшкомъ домой, а затѣмъ оказалось, что все время онъ былъ безъ сознанія!

Затѣмъ выдвигаются впередъ улики психологическія. Первая такая улика есть мотивъ преступленія. Объ этомъ говорилъ подробно первый защитникъ и я не буду повторять, но я не могу не обратить вниманія на то совершенно невѣрное утвержденіе, которое приводится въ настоящемъ дѣлѣ со стороны обвиненія. Тутъ говорили о столкновеніи двухъ мировоззрѣній, какъ бы о двухъ совершенно различныхъ мірахъ, которые вступили въ борьбу: міръ „старой консисторской заправки“ и міръ новыхъ теченій, новаго направленія съ новыми идеалами, гдѣ искрывается взяточничество и другіе остатки дореформеннаго строя. Представителемъ одного мировоззрѣнія былъ Комаровъ, другого—Степанъ Скитскій. Это совершенно невѣрно. Конечно, можетъ быть, странно, что когда мой кліентъ обвиняется въ преступленіи, за которое полагается каторга, я считаю нужнымъ защищать его и въ этомъ столь неважномъ сравнительно проступкѣ; но я не могу пропустить это. Неправда, Степанъ Скитскій никогда не былъ взяточникомъ, его честность удостовѣрена и его пресвященствомъ. Это не былъ человекъ другого міра. Комаровъ, когда пріѣхалъ, уже зналъ, какъ это неоднократно подчеркиваетъ обвиненіе, всѣ недостатки и слабости полтавской консисторіи. И что же? По пріѣздѣ онъ приближается къ себѣ именно Степана Скитскаго, онъ поручаетъ ему ремонтъ, онъ совѣтуется съ нимъ, онъ даетъ ему исполнять одновременно должности секретаря и кан-

начей. Значитъ, изъ всѣхъ служащихъ именно Степанъ Скитскій наиболѣе приближался къ Комарову, наиболѣе подходилъ къ его взглядамъ.

Особенность этого процесса состоитъ въ томъ, что когда говорятъ о мотивѣ, то говорятъ только объ одномъ братѣ. Другой-же предполагается, можетъ, совершить убійство и безъ мотива. Ибо для Петра уже совершенно непонятно, гдѣ можно найти мотивъ къ преступленію. Комаровъ относился къ Петру хорошо, не смотря на его часто нетрезвое поведеніе, и даже прибавилъ ему жалованье.

Развивая психологическія улики, обвиненіе касается поведенія Скитскихъ 15-го и 16-го числа. Какія-же данныя мы имѣемъ въ этомъ отношеніи? Степанъ 15-го спокойно продолжалъ дѣло вчерашняго дня. Онъ разносилъ медали. Между прочимъ, днемъ онъ провелъ болѣе часа у Ковалевскаго, говорилъ о разныхъ малозначащихъ вещахъ, о посадкѣ деревьевъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ; кончивши Комарова, онъ рассказалъ, что Комаровъ послѣднее время къ нему придирается и что онъ будетъ на него жаловаться. Говорилъ ли бы онъ такъ, если бы былъ виновенъ въ смерти Комарова? Сталъ ли бы убійца, когда уже въ лѣсу лежить тѣло его жертвы, говорить о своихъ дурныхъ съ нимъ отношеніяхъ.—Далѣе Степанъ Скитскій идетъ въ монастырь, привѣщиваетъ медали отцамъ іеромонахамъ. Они угощаютъ его (помните, Николаева рассказывала, какъ она прятала водку въ рукава іеромонаховъ). Въ это время пріѣзжаетъ Молчановъ и говорить, что найденъ трупъ Комарова. „Что вы говорите, испуганно воскликнулъ Степанъ и затѣмъ, поднявъ руки къ иконамъ, повторяетъ: „Боже мой! Боже мой! Что дѣлается!“—Въ этомъ г. прокуроръ видитъ улику. Но можно съ увѣренностью сказать, что какъ бы тутъ ни поступилъ Степанъ Леонтьевичъ, что бы онъ ни сказалъ, все равно можно было бы найти улику.

Если бы онъ принялъ извѣстіе холодно, говорили бы многозначительно: „какъ онъ былъ спокоенъ при такомъ извѣстіи“, если бы онъ заволновался болѣе, высказывалъ бы свое горе, свой ужасъ, сказали бы: „что съ нимъ? вѣдь, всѣмъ извѣстны его дурныя отношенія къ покойному!“ Онъ же принялъ это, какъ вполне естественно долженъ былъ принять обыкновенный религиозный человекъ, узнающій о такой смерти человека, который вовсе не былъ ему дорогъ. Онъ удивляется, затѣмъ крестится и говоритъ: „Боже мой, что дѣлается!“

Затѣмъ Степанъ Леонтьевичъ идетъ къ Николаевой въ лавочку и здѣсь при повтореніи извѣстія объ убійствѣ Комарова опять не преминулъ сообщить, что онъ собирался на него жаловаться, и что у нихъ были дурныя отношенія, чего бы, конечно, не сдѣлалъ, если бы именно его рука была причастна этому преступленію.

Ничего подозрительнаго не заключаетъ въ себѣ и тотъ фактъ, что 16-го Степанъ Леонтьевичъ, войдя въ консисторію и увидя, что канцелярія и канцелярство запечатаны, взволновался и спросилъ: „развѣ я арестованъ?“ или даже „развѣ все арестовано?“

Во-первыхъ, вы помните, онъ иногда впередъ раздавалъ жалованье чиновникамъ. Касса опечатана; стоитъ чиновникамъ отказаться, что они получили впередъ и вотъ обвиненіе въ служебной растратѣ. Во-вторыхъ, вѣдь, въ тотъ день вечеромъ онъ уже былъ арестованъ, а въ то время уже шли слухи о подозрѣніяхъ противъ Скитскихъ. Эти слухи не могли не достигнуть и до его ушей, особенно послѣ двукратнаго посѣщенія полиціей.

Чувствуя на себѣ подозрѣвающіе взгляды, онъ не могъ уже оставаться вполне спокойнымъ и естественнымъ...

Психологія въ настоящемъ дѣлѣ не оставалась на этомъ. Считается уликами и то, что Скитскіе не искали Комарова 15-го іюля и то что они

не были на его похоронах. Но искать Комарова не ходили и Знайко и Головки и другие чиновники. Степанъ же Леонтьевичъ былъ занятъ, какъ мы видѣли, а Петръ и пошелъ было искать, да къ тому времени, какъ надо было приступить къ дѣлу, они съ Головки, закусивъ въ Монастырскомъ лѣсу, оказались уже въ такомъ видѣ, что пришлось планъ этотъ оставить. Относительно же похоронъ можно сказать, что упрекъ этотъ Скитскимъ является какою-то, если можно такъ выразиться, чистой формой, не считающейся съ жизнью. А въ жизни, вѣдь, какъ? Въ жизни сплошь и рядомъ похороны даже родственниковъ считаются такой скучной и тяжелой обязанностью, отъ которой часто, если возможно, стараются отвертѣться.

Подумать: въ морозный день или знойную пору идти съ церемониально удрученнымъ видомъ на кладбище!

Петръ, впрочемъ, съ нѣкоторыми товарищами проводили процессію до моста передъ Монастырской горой, а послѣ повернули купаться.

Занимались въ этомъ дѣлѣ и экспериментальной психологіей. Я говорю объ опытѣ, продѣланномъ надъ Петромъ. Какъ извѣстно, къ нему подсадили переодѣтаго арестантомъ сыщика, который, подпоивъ его, сказалъ, что Степанъ уже сознался въ убійствѣ. Сыщикъ этотъ ваялся доставляя записку Петра. Я думаю, никто изъ васъ ни на одну минуту не допускаетъ, что содержаніе записки таково, какъ это намъ передаетъ Прохорова. Совершенно понятно, что будь эта записка такого содержанія, она лежала бы теперь здѣсь на столѣ въ золотой рамѣ. Уже одно отсутствіе ея намъ доказываетъ что въ передачѣ смысла правы именно Ивановъ, Червоненко и Куликовскій. „Червоненко мнѣ сказалъ — гласить записку — что ты убилъ Комарова. Если это правда, я отрываюсь отъ тебя“.

Петръ вполне вѣрилъ, что записка попадетъ только въ руки его брата. Въ такомъ случаѣ она удостоверяетъ передъ нами полную невиновность Петра.

Но, если уже говорить о психологіи, то въ этомъ дѣлѣ есть нѣсколько интересныхъ моментовъ психологіи предъавленнаго обвиненія.

Прежде всего Скитскіе, предполагается, бросили на мѣстѣ преступленія картузъ (этого касался уже первый защитникъ). Зачѣмъ? Для того, чтобы сразу повести поиски въ кониссторію, ближе къ нимъ? Затѣмъ, одѣвши (по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ) форменный китель и форменную фуражку (чтобы быть замѣтнѣе?), они идутъ на убійство. Исполнивъ свое дѣло, они остаются около часа у трупа и потомъ идутъ оттуда, выйдя на чистое поле и направляясь въ виду всѣхъ, вдоль дороги, шагахъ въ 10 — 15 отъ нея. Отъ мѣста, гдѣ лежалъ трупъ Комарова, до того мѣста, гдѣ пасъ коровъ Ткаченко, можно пройти лѣсомъ. Но двѣ неизвѣстныя фигуры не вышли неожиданно на Ткаченко, изъ лѣсу. Нѣтъ, они задолго до того выбрались въ открытое поле, поровнявшись съ Ткаченко, повернули правѣе, перешли дорогу и поднялись въ гору, и все это на виду трехъ дорогъ, въ открытомъ мѣстѣ. Нѣтъ, конечно, то не убійца видѣлъ тогда Ткаченко.

Далѣе каковъ тотъ промежутокъ времени, въ который должно было все начаться и кончиться? Водовозъ Корощопа встрѣтилъ Комарова у завода, вылилъ тамъ первую бочку, а вода первой бочки скорѣе проходила въ почву земли, повернулъ опять къ пруду и очень близко встрѣтилъ Комарову, которая шла къ городу. Между тѣмъ моментомъ, когда Комаровъ вступилъ на мостикъ и тѣмъ, когда къ нему со стороны дачи подошла Комарова, могло пройти нѣсколько минутъ. Да еще прошло-ли? Не дасть ли это основанія предполагать, что Комаровъ не продолжалъ своего пути къ мостику, а свернулъ съ дороги въ лѣсъ?

Наконецъ, относительно мѣста убійства... Убий-

ство случайное, убійство неожиданное, можетъ, конечно, произойти и на Невскомъ проспектѣ и на Крепачикѣ. Но для убійства предумышленнаго, напередъ рассчитаннаго, мѣсто, разумѣется, должно быть выбрано такое, чтобы было по возможности меньше шансовъ быть замѣченными, застигнутыми въ располхъ. Какимъ же является этотъ мостикъ? Онъ виденъ ясно, какъ на ладони, со стороны Полтавы, по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{2}$ версты. Онъ виденъ съ боку на большое разстояніе, съ открытаго поля. Онъ виденъ съ дороги подлѣ дачи Комарова. Я обращаю вниманіе особаго присутствія на то, что мѣсто, гдѣ найдены очки Комарова, совершенно открыто къ жилымъ строениямъ Терновщины. Случайно не быть замѣченными здѣсь возможно. Но рассчитывать на это — безуміе и засѣсть въ засаду съ тѣмъ, чтобы убивать на такомъ мѣстѣ, — немислимо.

А какъ же къ этому мѣсту могли подбѣжать Скитскіе по той дорогѣ, которую указываетъ г. прокуроръ? Я не буду уже касаться того, что они и не поспѣли бы этого сдѣлать, такъ какъ объ этомъ говорилъ первый защитникъ. Но вся эта мѣстность открыта совершенно. Въ началѣ пути имъ пришлось бѣжать мимо часовыхъ при провинскихъ складахъ, мимо цѣлой массы жилыхъ домовъ и хатъ, затѣмъ они бѣжали бы по полю, на которое смотрѣлъ Павленки, Полтава, Терновщина, а вторую половину пути по открытой выпуклой поверхности, на которой они были бы видны сидящей на балконѣ Комаровой, всѣмъ людямъ, работающимъ на фермѣ Склифасовскаго, всѣмъ находящимся у барака, всей деревнѣ Терновщинѣ, идущимъ по дорогѣ видны со всѣхъ сторонъ, видны отчетливо, ясно, какъ два метеора на безоблачномъ небѣ. Ихъ видѣлъ бы и самъ Комаровъ, не говоря уже о пастухѣ Ткаченко и Бондаренко. Если бы послѣдній ихъ почему-либо не увидѣлъ, то они увидѣли бы его, и стало бы, если даже и бѣжали бы на преступленіе, то остановились бы, ибо нельзя же рѣшиться напасть на человѣка, когда такъ близко находится другой, который можетъ услышать и увидѣть. Нѣтъ, ясно, по моему мнѣнію, Скитскіе не могли убить Комарова.

Надо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Комарова каждый день ходила встрѣчать своего мужа и въ этотъ день она въ первый разъ этого не сдѣлала. Засѣсть у мостика могли лишь тѣ, которые хотѣли убить и его, и ее, или же, которые знали, что въ этотъ день Комарова встрѣчать своего мужа не пойдетъ. Значитъ, это не Скитскіе, ибо они не могли имѣть основанія желать убить супруговъ Комаровыхъ обоихъ, знали, что Комарова каждый день ходитъ встрѣчать своего мужа, и не знали, что въ этотъ день она этого дѣлать не будетъ... Тутъ возможны два предположенія; или Комаровъ былъ вызванъ запиской въ лѣсъ, гдѣ и былъ убитъ, ночью же его тѣло перенесли и разложили вещи, тогда понятно, почему Комарова, проходя нѣсколько разъ 14 июля, ничего не видѣла у мостика; или же тамъ сидѣло нѣсколько бродягъ, которые не знали мѣстности, не знали, что сзади, за валомъ дача, дома, не знали, кто такой Комаровъ, кто ходитъ его встрѣчать, увидѣли идущаго къ нимъ человѣка, одного, бросились на него, умертвили и сорвали часы. Все-таки, вѣдь, самой драгоценной вещи не оказалось при трупѣ.

Таковы могутъ быть предположенія. Если бы это дѣло разсматривалось людьми, взятыми отъ жизни и не знающими юридическихъ правилъ, то г. предсѣдатель въ своемъ словѣ сказалъ бы имъ, что они должны обвинить лишь въ случаѣ если прійдутъ къ такому заключенію, что нѣтъ такого предположенія, которое можно допустить и при допущеніи котораго подеднимъ явятся невиновными. Кому же, какъ не юристамъ, понимать всю драгоценность этого правила. А сколько разныхъ предположеній,

сомнѣній и объясненій можно сдѣлать въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь, обвиненіе въ сущности все сводится лишь къ тому, что предположеніе о томъ, будто виновники преступленія Скитскихъ—не противорѣчить обстоятельствамъ дѣла. Доказаннаго нѣтъ ничего, и, слѣдовательно, даже если принять лишь тѣ факты и доводы, которые приводятъ обвиненіе, то и тогда не можетъ имѣть мѣсто обвинительный приговоръ.

Но до чего дѣйствуетъ страхъ того, что мы имѣемъ на лицо преступленіе и нѣтъ преступника! Дѣйствительно, появляется нѣчто въ родѣ гипноза. О чемъ мы спрашиваемъ свидѣтелей, чѣмъ интересуемся: какимъ голосомъ заказывалъ Степанъ Скитскій электрическое огнѣво, какъ посмотрѣлъ онъ на Семенова, какъ многозначительно взглянулъ Горностаевъ на Будаевскую...

Страшно, прямо страшно становится за себя, за cadaго находящагося въ этой залѣ, за всякаго человѣка. Страшно не потому, что вы вынесете обвинительный приговоръ. Нѣтъ, это не возможно и этого не будетъ. Страшно, что по такимъ уликамъ, которые могутъ быть отнесены къ громадному количеству лицъ, бывшихъ въ городѣ во время преступленія и имѣвшихъ какія либо отношенія къ потерпѣвшему, что по однимъ только предположеніямъ могутъ быть заключены въ темницу люди и рѣшаться ихъ судьба. Страшно, что люди до сихъ поръ еще не придумали какихъ либо болѣе совершенныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы избѣжать заподозриваніе невинныхъ, избѣжать лишніхъ страданій человѣческихъ. Страшно и стыдно.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Н. П. Карачевскаго:

Г. г. судьи и гг. сословные представители! Мнѣ предстоитъ произнести передъ вами защитительную рѣчь, а между тѣмъ я хотѣлъ бы забыть въ эту минуту о томъ, что есть на свѣтѣ „судебное краснорѣчіе“ и „ораторское искусство“. По академическому опредѣленію, это „искусство“ заключается въ томъ, чтобы путемъ возможно меньшаго напряженія усилій слушателей передать имъ свои мысли и чувства, навязать имъ свое настроеніе, достигнувъ заранее намѣченнаго эффекта. Обыкновенно не брезгаютъ для этого и вѣщными суррогатами вдохновенія: приподнятымъ тономъ, побрякушками остроумія и фразой. Въ томъ мучительномъ напряженіи, которое всеміи нами владѣетъ, мнѣ было бы стыдно заниматься здѣсь „искусствомъ“, разставлять въ видѣ ловушекъ „эффекты“ и развлекать ваше вниманіе въ ту минуту, когда простая истина ищетъ и такъ трагически не находитъ себѣ выхода. Если бы я былъ косноязычнымъ, я сказалъ бы вамъ то же, что скажу сейчасъ!

Я не имѣю въ виду даже облегчить вамъ вашей задачи. Наоборотъ, я хотѣлъ бы вамъ ее затруднить. Я хотѣлъ бы, чтобы, послѣ огромнаго физическаго труда, вы понесли такой же мучительный огромный умственный трудъ. Я хотѣлъ бы вернуть васъ назадъ, къ самому началу. Если у васъ уже созрѣло рѣшеніе, — вы должны продумать его заново, если необходимо передумать вновь, вы должны сдѣлать и это! По формулѣ закона, во истину, „всю силу своего разумія“ должны приложить вы къ разрѣшенію этого дѣла. Намъ не нужно вашей интимной правды, случайнаго личнаго убѣжденія отдѣльнаго судьи, Богъ знаетъ изъ чего зародившагося, откуда къ нему подкраивагося. Намъ пужна гласная широкая оцѣнка вашей совѣстью только „видимыхъ“ условій дѣла, только достовѣрныхъ, доказанныхъ его обстоятельствъ. Лишь при этомъ условіи все общество, взволнованное и потрясенное безпримѣрною судьбою этого загадочнаго дѣла, какъ одинъ человѣкъ, съ облегченной душой, подпишется подъ вашимъ приговоромъ.

Когда послѣ первой кассациіи первого оправда-

тельнаго о Скитскихъ приговора я рѣшился принять участіе въ ихъ дальнѣйшей защитѣ, я хорошо понималъ всю тяжесть принимаемой мною на себя задачи. Личная увѣренность въ ихъ невинности, давая мнѣ лишь необходимую внутреннюю свободу для выполненія, быть можетъ, неосильной задачи, нисколько не ослѣпляла меня надеждою на легкую побѣду. Въ противоположность моему молодому и потому бодро-самоувѣренному товарищу по защитѣ Скитскихъ (Куликову, который закончилъ рѣчь словами, что обвинить Скитскихъ „страшно и стыдно!“) я никогда не смотрѣлъ розово на это дѣло. Слишкомъ много судебныхъ впечатлѣній уже пережило мною на своемъ вѣку, я слишкомъ близко стою къ дѣлу отправленія уголовного правосудія, чтобы не знать, что несмотря на обладаніе нами въ теоріи повидому всеміи совершеннѣйшими способами открытія истины, судебная истина (какъ и всякая, впрочемъ, другая) дается не легко, и что въ уголовномъ дѣлѣ недостаточно быть только невиннымъ, надо еще умѣть по суду обьявить себя таковымъ!

Судъ и осужденіе близки! — въ этой евангельской истинѣ столько-же нравственной глубины, сколько и практической мудрости. При извѣстномъ стеченіи вѣншихъ обстоятельствъ и условныхъ вѣнній подвигъ самооправданія также труденъ для невиннаго, какъ и для виновнаго. И для того и для другого формы и условія тѣ-же. Имъ одинаково не вѣрять, они одинаково сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, которая имѣетъ свою особую ненаписанную еще психологію. Этого не долженъ забывать ни одинъ судья. Сблазни осудить, когда самоувѣренно судишь, очень великъ. А кто-же судитъ не самоувѣренно? Истoria настоящаго процесса въ этомъ отношеніи особенно поучительна. Первый оправдательный приговоръ, доставшійся съ такимъ трудомъ судебной совѣсти, ничего не стоило махнуть простою кассацией. Послѣ того обвинительное напряженіе достигло высшей степени, понеслось во всеміи своемъ разбѣгѣ. Казалось безуміемъ остановить его, такимъ-же почти безуміемъ, какъ пытаться однимъ вѣннимъ усиліемъ остановить разбѣгъ несущагося по рельсамъ локомотива.

Мнѣ могутъ возразить. Однако, — вѣдь защита естественная форма противодѣйствія обвиненію! Вы намѣренно прикидываетесь безсиленнымъ, умаляя процессуальное значеніе защиты. Состязаніе сторонъ развѣ не ведется равнымъ оружіемъ! Развѣ вы не пользовались здѣсь на судѣ всеміи гарантиями, всею полнотою вашихъ правъ? На скрижаляхъ судебныхъ уставовъ развѣ не начертано: обвиненіе и защита равноправны? Вотъ заблужденіе, которое не вызоветъ улыбки только потому, что вызываетъ грусть. Въ концѣ концовъ дѣйствительно защиту выпускаютъ въ „храмъ правосудія“, — но надолго-ли и въ какой моментъ? Развѣ въ самые сокровенные и трудные для обвиняемаго, а нерѣдко и для истины моменты она не находится въ жалкомъ положеніи оглашеннаго, изгнаннаго, безсильно томящагося у преддверія храма? Ее выпускаютъ тогда, когда затѣянная въ глубокой тайнѣ, сотканная въ тиши и выполненная въ раздумьѣ вся „творческая“ работа обвиненія въ сущности „готова“ — окончена совершенно. Ей предоставлено только критиковать или даже разрушать это „творчество“: класть свои мазки на законченную картину — „портить“ ее, или рвать холстъ, на которомъ она нарисована, но не давать ничего своего, законченнаго и цѣльнаго. Отсюда досадныя къ защитѣ отношенія и чувства не только со стороны обвинителей, но подчасъ и судей. Она ничего не даетъ взамѣнъ разрушаемаго. Умъ нашъ такъ устроенъ, что подобно всей природѣ „боится пустоты“. И къ защитѣ предъявляется тайное требованіе на смѣну разрушаемаго создать нѣчто новое, свое, положительное и прочное. Но предъявляетъ подобное требованіе — значитъ издѣваться надъ без-

силіемъ стороны въ процесѣ. Въдъ краугольнымъ камнемъ уголовного процесса является предварительное слѣдствіе, когда защита не допускается. Предварительное слѣдствіе тотъ фундаментъ, безъ котораго немислимо построить ничего, а его то защитить и недостаетъ. Если бы защита располагала такими же средствами, какъ обвиненіе, она, была бы можетъ, дала бы вамъ преступника на смѣну Скитскихъ, но, при наличности существующаго порядка слѣдствія, мы вамъ не можемъ назвать убійцъ.

У защиты нѣтъ ни власти, ни средствъ содѣлывать правосудію въ этомъ направленіи. А между тѣмъ именно данный процессъ не вопіетъ ли противъ подобнаго ограниченія защиты? Вамъ пришлось дѣлать заново все то, что упустило или не сдѣлало предварительное слѣдствіе; мы вынуждены были произвести самые сложные и тщательные осмотры, испытанія и измѣренія. Скажите, чѣмъ мы вамъ помѣшали въ этой чисто слѣдственной, черной подготовительной работѣ? Своимъ безмыслимъ контролемъ, вопросами и поправками мы только десятирили авторитетъ вашей безпримѣрной судейской работы!

Если-бы уже на предварительномъ слѣдствіи мы имѣли права, равныя правамъ обвиненія, мы не предстали-бы предъ вами съ пустыми руками. Мы изслѣдовали-бы цѣлый рядъ параллельныхъ съ обвиненіемъ, напрашивающихся версій преступленія и, кто знаетъ, сидѣли-ли бы Скитскіе на скамьѣ подсудимыхъ? А теперь получается картина странная, хаотическая; кому вѣрить, на чемъ остановиться? Развѣ скопленіе случайностей, подозрительныхъ черточекъ и уличающихъ штриховъ сплетаются и теперь исключительно только противъ Скитскихъ? Развѣ дефекты полицейскаго рвенія и страшной халатности предварительнаго слѣдствія не говорятъ сами за себя, не призываютъ чуткую душу судьи къ вѣщей осторожности? Мы уже знаемъ, что въ самый день похоронъ Комарова С. Скитскій былъ арестованъ. Мы отлично знаемъ, что въ то время, кромѣ подозрѣвій, которыя, если вѣрить Скитской, по характерному жесту о. Генадія Мачуговскаго, были только „тамъ“ и „тамъ“ т. е. у пресвященнаго и у госпожи Комаровой, рѣшительно ничего не было. Не было даже показанія пастуха Ткаченко, который видѣлъ двухъ, похожихъ одержою на Скитскихъ, лицъ, какъ бы возвращавшихся съ мѣста совершенія преступленія. О г-жѣ Бородаевой въ то время и помину еще не было! Тѣмъ не менѣе слѣдственные поиски на этомъ разомъ прекратились и стали собирать улики только противъ Скитскихъ. Я удивляюсь, что ихъ собрали еще такъ мало, такъ какъ знали, что на первыхъ порахъ полицейскимъ рвеніемъ легко смутить даже чистую, но слабую свидѣтельскую душу. Припомните показанія свидѣтеля Головки и объясненіе Петра Скитскаго. Бывшій полтавскій полицеймейстеръ Ивановъ, на томъ основаніи, что они „не дворяне“, объяснялся съ ними весьма энергично. Онъ имѣлъ повидимому повадку въ подобныхъ случаяхъ жестикулировать кулакомъ болѣе выразительно, чѣмъ это обыкновенно принято. Рядомъ съ этимъ тотъ-же г. Ивановъ такъ дѣтски доверчиво, съ такою пылкою наивностью считалъ собранныя противъ Скитскихъ улики неотразимыми и насчиталъ ихъ столько даже здѣсь на судѣ (кровь, волосъ, колбасу, веревку и т. д.), что на его показаніи, какъ на судебномъ доказательствѣ, даже обвинителямъ пришлось поставить крестъ. Г. Ивановъ ничего намъ не далъ здѣсь, кромѣ своей, совершенно очевидной, судебно-полицейской наивности, а между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи всѣ охотно вѣрили ему, что онъ „корни и вѣти“ всего дѣла держать твердо въ рукахъ. Изъ устъ въ уста переходили свѣдѣнія объ открытыхъ имъ „важныхъ“ уликахъ, слагались и цѣлыя легенды о добытыхъ имъ „агентурнымъ путемъ“ свѣдѣніяхъ. На судѣ эти „агентурныя свѣдѣнія“, какъ и слѣдовало

ожидать, превратились въ простыя бабьи сплетни, тутъ же и опровергнутыя. По поводу полицейской продѣлки съ подсаживаніемъ сыщика въ образѣ арестанта къ Петру Скитскому, продѣлки, предпринятой къ сожалѣнію съ вѣдома, если не одобренія слѣдственной и прокурорской власти—пешельцѣвый гулъ по Полтавѣ. Дѣвица Прохорова и пресвященный говорили намъ, что даже сами читали копію записки Петра Скитскаго къ брату и въ ней была именно „страшная“ улика противъ Скитскихъ. Въ ней говорилось о проклятіи за сознание и за нарушеніе клятвы по совершенію преступленія. Самъ г. Ивановъ не посмѣлъ, однако, здѣсь воспроизвести намъ подобнаго текста записки. Этотъ свидѣтель, согласно съ утвержденіемъ г. Червоненко: удостоверить совершенно иное содержаніе записки, „если ты убилъ Комарова, я тебѣ не братъ. Проклинаю тебя!“ Это былъ оправдательный документъ для Петра Скитскаго, а не „страшная“ улика. Записка затѣмъ пропала, вѣроятно, въ качествѣ „ненужной бумажки“. Но она сдѣлала свое страшное и злое дѣло на предварительномъ слѣдствіи!

Ближайшими сотрудниками г. Иванова, какъ извѣстно, были два полицейскихъ пристава г. Царенко и г. Семеновъ. Втроемъ они были первыми каменщиками, положившими фундаментъ всему дѣлу. Вы имѣли возможность ихъ наблюсти и составить себѣ надлежащее представленіе о характерѣ ихъ сыскной прозорливости. Царенко говорилъ намъ, что у нихъ 15-го іюля состоялось даже особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ г. полиціймейстера Иванова для выработки „общаго плана“ дѣйствій. Сказано недурно, но кончилось это совѣщаніе тѣмъ, что г. Царенко, переодѣвшись въ статское платье, и г. Семеновъ въ полицейскомъ мундирѣ поѣхали къ мѣсту нахождения трупа послушать, что говорить „народъ“, и вообще поискать счастья. Народъ безмолвствовалъ, счастья имъ никакого не подвернулось, но г-жа Комарова высказывала свои подозрѣнія на Скитскихъ и г. Иванову въ связи съ подослѣвшими къ нему откуда-то вдуртъ „агентурными свѣдѣніями“ вопросъ показался рѣшеннымъ и яснымъ до очевидности.

Тщетно мы старались узнать отъ г. Иванова по крайней мѣрѣ источникъ его агентурныхъ тайнъ. Ему было разрѣшено не обнаруживать своихъ профессиональныхъ секретовъ. Но этотъ секретъ мы сами могли бы открыть г. Иванову. Широко организованное агентурное дѣло, организованный сыскъ, и гдѣ-же?—въ мирной и тихой Полтавѣ. Въ Петербургѣ у насъ едва, едва организована сыская часть. Въдъ Полтава—не Парижъ! Въ дѣлѣ Дрейфуса могли опираться на агентурныя свѣдѣнія, а здѣсь о нихъ говорить даже смѣшно. Г. Ивановъ только вѣренъ себѣ. Онъ, какъ проявилось это на судѣ, удивительно наклоненъ здѣсь, на людяхъ все обставлять торжественностью официальности. Если-бы онъ могъ сохранять эту свою черту и на дознаніи при допросѣ свидѣтеля Головкина и обвиняемаго Петра Скитскаго, было-бы гораздо полезнѣе. Что сказать о правой рукѣ г. Иванова, о г. Царенко? Онъ знаетъ немного истинъ, но за то ужъ помнитъ ихъ твердо; купаться надо ходить всегда ближайшимъ путемъ, колбасу покупать привозную, московскую, а не у Лангера, веревку для удавленія ближняго надо брать свою, а не пользоваться казенной... Если гражданиномъ не соблюдены всѣ эти предосторожности, пусть онъ пеняетъ на судьбу или на себя, но не запирается въ преступленіи и главное не претендуетъ на началоство за то, что его засадили въ тюрьму. Наконецъ послѣдній изъ трехъ полицейскихъ чиновниковъ г. Семеновъ внесъ въ дѣло одно весьма тонкое и цѣнное соображеніе. Онъ первый безповоротно рѣшилъ, что преступниковъ было именно двое, а не менѣе и не болѣе. На этомъ утвердилось и слѣдствіе. Не характеръ насилія надъ трупомъ и всѣ тонкости судебно-меди-

цинской экспертизы (это г. Семеновъ, заодно водолеченіемъ по способу Кнейпа, вѣроятно, считаетъ „философіей“) привели его къ такому умозаключенію. Нѣтъ, его осѣнила простая житейская сообразительность. Водка и закуски въ мѣстѣ „засады“ найдены въ такомъ другъ отъ друга соотношеніи и на такомъ разстояніи, что одному человѣку было-бы никакъ невозможно одновременно дотянуться и до водки и до закуски разомъ. Очевидно, въ засадѣ сидѣло двое. Геніальное открытіе! Оно безъ сомнѣнія могло возникнуть только на благодатной родинѣ безсмертнаго Гоголевскаго Пацюка, которому, какъ извѣстно, вареники и притомъ обмокнутые въ сметану сами летѣли въ ротъ.

Вотъ впечатлѣнія полицейскихъ чиновниковъ, о которыхъ они здѣсь столь краснорѣчиво и серьезно повѣствовали намъ, вотъ тотъ клубокъ своеобразныхъ удилъ и подозрѣній, которыя намъ приходится разматывать.

Вы произвели, гг. судьи, огромную затрату силъ. И что-же? При окончаніи слѣдствія я чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Не могли не чувствовать неудовлетворенности и вы. Чувствовалось одно: надо бы начать все сначала! Но сначала, — уже невозможно. Русло проложено — слѣдствіе течетъ и журчитъ, убаюкивая и усыпляя. Потребовался-бы во истину умственный и нравственный *tour de force*, чтобы сказать себѣ прямо и откровенно: все это куда не годится, надо на всемъ поставить крестъ. И вотъ для лѣнливаго ума раздолье: расширенное почетное мѣсто всему, подтверждающему версію о Скитскихъ, мрачное подозрѣніе и голословное отрицаніе всего остальнаго. При такихъ условіяхъ конечно обвинить возможно. Ваше пытлиное и внимательное изученіе дѣла однако ручается намъ за иной приговоръ, за иную точку зрѣнія. Вы не успокоитесь, пока вашъ разумъ и ваша колеблющаяся совѣсть не совершатъ всего круговорота разъ начавшагося пытливаго движенія мысли, пока вы сами не положите этой мучительной работѣ конца словами: „довольно! мы въ заколдованномъ кругу! дойдя до конца, мы снова у начала!“ И мы дѣйствительно у самаго начала. Чѣмъ исключены предположенія о цѣломъ рядѣ лицъ, которыя также, какъ и Скитскіе, могли быть виновниками убійства? Я слышу здѣсь оговориться. Я весьма счастливъ слыша сказать публично, что возможны подозрѣнія относительно причастности къ дѣлу несчастной вдовы Комарова нашли здѣсь себѣ полное разъясненіе и опроверженіе. Я лично по крайней мѣрѣ въ этомъ убѣжденъ, и радъ, что могу въ присутствіи г-жи Комаровой заявить объ этомъ громкогласно. Если ранѣе въ числѣ другихъ догадокъ могли быть и неблагопріятныя для г-жи Комаровой, то опять таки въ этомъ было виновато предварительное слѣдствіе. Если-бы своевременно было разъяснено значеніе знаменитой записки, найденной въ портсигарѣ убитаго „О! о! — будетъ балъ“ и т. д., что сдѣлано вполне г-жею Комаровою только въ настоящемъ засѣданіи; если-бы на основаніи указаній г-жи Комаровой, что мужъ ей въ этотъ единственный разъ за все лѣто сказалъ, чтобы она его не встрѣчала, были сдѣланы розыски въ томъ смыслѣ, не было ли назначено къ-мъ-либо Комарову свиданія по дорогѣ на дачу, если-бы всѣ эти факты ранѣе не ступали и не замалчивались, а были-бы наоборотъ приведены въ ясность, г-жѣ Комаровой не пришлось-бы вовсе считаться съ подозрѣніями. Лично мы вѣрнимъ ей. Но дайте-же намъ равное отношеніе къ фактамъ. Почему то, что подозрительно или неясно само по себѣ въ дѣлѣ, но лишь не по отношенію къ Скитскимъ, вовсе изъ него выкидывается и все, что имѣется противъ Скитскихъ, истолковывается исключительно подозрительно?

Въ поискахъ за тѣмъ, кто могъ желать смерти Комарова, кто еще могъ питать къ нему злобыни и мстительныя чувства, намъ неожиданно весьма

помогъ повѣренный гражданской истицы. Онъ широко очертилъ кругъ лицъ, питавшихъ, по его мнѣнію, непобѣдимую ненависть къ рыаному секретарю Полтавской консисторіи.

По словамъ повѣреннаго гражданской истицы, все сельское духовенство, весь низшій кругъ лицъ подчиненной ему епархіи жестоко страдали отъ стремительнаго самовластия, отъ непреклонной и самоувѣренной энергіи молодого секретаря. Самъ преосвященный Илларионъ вынужденъ былъ признать, что рядомъ со всевозможными достоинствами Комарова, какъ должностнаго лица, онъ бывалъ нетерпѣливъ, рѣзокъ и раздражителенъ. Воспрещеніе благочиннымъ входа въ консисторію, въ то время когда по уставу они имѣютъ мѣсто даже въ присутствіи ея, почиталось всѣми распоряженіемъ едва ли законнымъ, во всякомъ случаѣ безтактнымъ и оскорбительнымъ для чести отцовъ благочинныхъ. Вспомните сорокъ человѣкъ однихъ уволенныхъ чиновъ консисторіи за три года его секретарства и вы согласитесь, что враговъ у него, помимо Скитскаго, было непочатый уголъ. Припомните наконецъ характерныя черты его отношеній къ нѣкоторымъ служащимъ. У одного, собирающагося жениться, онъ ни съ того, ни съ сего требуетъ удостовѣренія врача о томъ, что онъ не страдаетъ сифилисомъ. Тотъ оскорбляется и уходитъ. Бывшаго столоначальника, молодого человѣка, нѣкогого Александровскаго, онъ, по словамъ свидѣтеля Головкова, своимъ презрительнымъ и высокомернымъ отношеніемъ доводитъ до того, что тотъ несчастный, съ трясущимися руками, по часамъ простаиваетъ у дверей его кабинета, не смѣя войти. Вскорѣ онъ также оставляетъ службу. Къ Скитскимъ Комаровъ въ сущности былъ даже милостивъ. За пьянство онъ, напр. не взыскивалъ, и Петру даже спустя годъ прибавилъ жалованья. Со Степаномъ Скитскимъ онъ былъ въ ладахъ вплоть до января 1897 г. По словамъ свидѣтеля Просяника, если онъ иногда и замѣчалъ Степану Скитскому, то тутъ-же всегда отечески прибавлялъ: „только слушайте меня и вамъ будетъ хорошо!“ С. Скитскій выросъ и воспитался въ условіяхъ безропотнаго подчиненія, и откуда-бы у него взялся тотъ бѣшеный порывъ къ протесту на 45 году жизни, чтобы забыть обо всемъ, рискнуть всѣмъ. Его окружала мирная среда: дочь посѣщавшая гимназію, — любящая жена! Да и откуда было взяться у него „непреодолимой“ враждѣ къ Комарову. Вѣдь Комаровъ самъ отличалъ Скитскаго весьма долгое время, назначая его своимъ замѣстителемъ на время отъѣздовъ, устроивъ его и на мѣсто казначея, почти противъ желанія архіерея. Самая провинность, изъ-за которой С. Скитскій былъ лишенъ награды, не показывается-ли, что Комаровъ только въ припадкѣ раздраженія настоялъ на своемъ и заговорилъ о перемѣщеніи С. Скитскаго вновь на должностъ столоначальника затѣмъ только, чтобы принудить его своею немилостью. С. Скитскій могъ не тревожиться. Было извѣстно, что архіерей на это не согласился и вообще находилъ тогда и самая провинности Скитскаго не столь значительными. И дѣйствительно, ближайшимъ образомъ, въ чемъ онъ заключались? Онъ „испортилъ“ служебный годъ Комарову тѣмъ, что не изготовилъ вѣдомости къ 1-му января. Но, по словамъ преосвященнаго, занявъ должностъ казначея лишь съ ноября мѣсяца предыдущаго года, было бы и мудрено составить вѣдомости къ сроку. Другая провинность состояла въ денежномъ недочетѣ. Сначала это встревожило и самого Скитскаго, возволновало и епархіальное начальство. Но вскорѣ, какъ это намъ опять-таки удостовѣрилъ преосвященный Илларионъ, недочетъ оказался въ полторы копѣйки и то не по винѣ казначея.

При такихъ условіяхъ не вправѣ-ли былъ Скитскій, даже если допустить, что онъ очень возмущился несправедливымъ отношеніемъ къ себѣ Комаро-

ва, — рассчитывать на то, что по жалобѣ г. обер-прокурору придирчивость секретаря можетъ быть обнаружена и его служебное рвеніе будетъ введено въ границы законности. Вѣдь о желаніи своемъ жаловаться онъ говорилъ всѣмъ и каждому. Зналъ объ этомъ архіерей, узналъ и Комаровъ. Пресвященный правда убѣждалъ его „оставить это“, „помириться“ съ Комаровымъ и на первыхъ порахъ Скитскій отвѣчалъ ему: „не могу, какъ угодно вашему пресвященству!“ Но въ сущности не добрый ли это былъ знакъ для Скитскаго? Не предвѣщало ли это, что отношенія съ Комаровымъ возобновятся непременно, разъ самъ владыка желалъ такого примиренія и склонялъ къ нему. Для Скитскаго далеко не все было потеряно. Припомните по этому же поводу одно изъ писемъ г-жи Комаровой къ матери своей, г-жѣ Будаевской. Она именно рассказываетъ объ этомъ инцидентѣ матери, причемъ все время нѣжно называетъ Скитскаго „Степой“. Смыслъ всего письма таковъ: „взѣропился внезапно, молъ, Степа, но все это уладится, пройдетъ!“ Гдѣ же непобѣдимая ненависть или безысходность положенія для Скитскаго? Если послѣднее разумѣть въ матеріальномъ отношеніи, то и тутъ нѣтъ правды. Въ городѣ всѣ знали Скитскаго за дѣльнаго, смышленного и честнаго работника. Достаточно сказать, что послѣ перваго своего оправданія онъ тотчасъ же нашелъ себѣ мѣсто, съ жалованьемъ не меньше консисторскаго, и его же съ мѣста взяли опять въ тюрьму послѣ кассаци.

Итакъ, чтобы ни говорили—если бы даже убійцы Комарова были изъ консисторскихъ или изъ духовенства—Степана Скитскаго нечего выдвигать въ качествѣ наизлѣйшаго и притомъ единственнаго „врага Комарова“. Если даже убійство имѣло дѣйствительно мѣсто на этой почвѣ—на почвѣ „служебной мести“, С. Скитскій былъ и слишкомъ уменъ и слишкомъ на виду для того, чтобы на него могъ пасть выборъ стать палачемъ Комарова.

О Петрѣ Скитскомъ я уже не говорю—по самой своей нравственной природѣ онъ въ палачи не годился.

Возьмемъ теперь другой кругъ лицъ близко соприкасающихся съ Консисторіею и ея порядками, встрѣтившихъ въ лицѣ Комарова своего непримиримаго гонителя и противника. Я говорю о разнаго вида и сорта бракоразводныхъ дѣльцахъ, начиная съ заѣзжихъ темныхъ личностей въ качествѣ „спеціалистовъ-повѣренныхъ“ по бракоразводнымъ дѣламъ и личностей вродѣ Бабы-Чубаръ, промышлявшихъ перспективами, открывавшимися имъ въ замочныя скважины и дверныя щели. Вѣдь надо же вздуматься, съ какимъ омутомъ лжи, преступности и грязи мы въ подобныхъ случаяхъ имѣемъ дѣло! Почему на поверхность одного изъ подобныхъ омутовъ не могъ всплыть группъ принципиальнаго противника брачныхъ расторженій—Комарова? Почему его убійство не могло быть дѣломъ наемныхъ рукъ? Куши, которыми оперировали бракоразводные дѣльцы; низменные люди, которые рвались за этими кушами, неодолимыя преграды, которыя вѣчно ставилъ Комаровъ благополучному и скорому завершенію подобныхъ предпріятій,—не говорятъ ли за то, что и на этой почвѣ мы наталкиваемся на мотивы и побужденія, заслуживающія самаго пристальнаго и серьезнаго вниманія.

Г. Ливень, напримѣръ, прямо утверждаетъ, что Комаровъ убить именно благодаря его бракоразводному процессу, которому онъ не далъ закончиться благоприятно, несмотря на огромныя деньги, затраченныя противной стороной. Но пусть г. Ливень ошибается. Развѣ это былъ единственный бракоразводный процессъ богатыхъ людей въ Полтавѣ? Вспомните характерное дѣло супруговъ Тржесякъ и упорное воздѣйствіе на ходъ этого процесса со стороны Комарова. Г-жа Тржесякъ, богатая женщина, желала вступленія въ новый бракъ. Въ этомъ

былъ заинтересованъ и нѣкій г. Шубертъ. Духовные отцы признали бракъ подлежащимъ расторженію, но Комаровъ вошелъ съ энергичнымъ протестомъ къ пресвященному и разводъ не былъ утвержденъ. Любопытна дальнѣйшая судьба дѣла. Комаровъ всегда кичился своего служебной исправностью и щеголялъ пунктуальностью. Тѣмъ не менѣе дѣло Тржесякъ очевидно засѣло въ его умѣ крѣпко. Съ марта до іюля онъ не отсылаетъ дѣла и не даетъ ему хода несмотря на прошеніе и жалобы г-жи Тржесякъ, не смотря на запросъ Синода. Только 11-го іюля, т. е. за три дня до своей смерти онъ сочиняетъ отпускъ резолюціи, по которой предполагалось дѣло при особомъ пояснительномъ рапортѣ отъ имени пресвященнаго препроводить въ Синодъ. По словамъ столоначальника Горностаева, Комаровъ собирался особенно внимательно заняться составленіемъ этой бумаги, въ которой намѣревался подробно развить основанія, по коимъ считалъ разводъ невозможнымъ. 14 іюля Комарова убили, а 21 іюля дѣло Тржесякъ было отправлено въ Синодъ уже при простомъ предпродвительномъ отношеніи. Синодъ призналъ затѣмъ бракъ подлежащимъ расторженію. Припомните при этомъ отзывъ пресвященнаго, что покойный Комаровъ, какъ ярый ненавистникъ брачныхъ расторженій, въ дѣлахъ этого рода не всегда держался даже въ предѣлахъ строгой законности. Онъ пытался даже ввести новую практику. Секретарь по закону не имѣетъ права самолично допрашивать свидѣтелей, но Комаровъ не могъ сдерживаться; заподозрѣвая лжесвидѣтельство, онъ предлагалъ вопросы, старался изобличить свидѣтеля. Можно себѣ представить, какъ себя чувствовали всѣ эти спеціалисты, вродѣ Бабы-Чубара, и вообще бракоразводные дѣльцы, нуждавшіеся именно въ подобныхъ свидѣтеляхъ, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ Комаровымъ. Хоть акрывай лавочку. А между тѣмъ куши въ видѣ круглыхъ цифръ, вродѣ 10, 15 тысячъ такъ и манятъ, такъ и влекутъ къ себѣ. Докажите мнѣ, что этого рода корысть не могла стать мотивомъ преступления и я откажусь отъ своего предположенія. Но вы этого мнѣ не докажете. Довольно, однако, предположеній—онъ въ сущности безплоденъ. Я выдвинулъ ихъ лишь для того, чтобы наглядно опровергнуть доводъ объясненія: Скитскіе,—ибо больше,—некому! Какъ видите это не аргументъ, съ нимъ серьезно считается не приходится, обстановка убійства Комарова, если вздуматься въ нее, такъ неясна, такъ неуловимо-таинственна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ повидимому проста, что невольно теряешь голову. Мечешся между Сциллой и Харибдой: или тутъ простой легко удавшійся случай самаго банальнаго убійства случайныхъ грабителей (вспомните похищенные часы!) или, наоборотъ, на лицо тонкой математической расчѣт, ловко выполненная казнь умѣлыми, безстрастными и твердыми руками. Былъ человекъ на дорогѣ, на мостикѣ, почти подходилъ къ своей дачѣ и вдругъ... мертвый въ кустахъ. При этомъ дорога, несомнѣнно, битая, проѣзжая. Мы поднимали цѣлое облако пыли, когда ѣхали съ вами по ней на осмотръ. Въ сорока саженьхъ косятъ сѣно Петръ Вондаренко, немного дальше Кошевой набираетъ воду въ прудѣ—и ни звука, ни крика, точно самъ Комаровъ подставляетъ шею петлѣ. Согласитесь, что все это наводитъ на размышленія. А съ точки зрѣнія невозможности именно для Скитскихъ совершить это преступленіе размышленія эти разрастаются уже въ цѣлый лѣсъ, непроходимый лѣсъ сомнѣній.

Одно, что мы твердо и несомнѣнно знаемъ—это то, что группъ Комарова оказалось всего въ 22 шагахъ отъ мостика. Допускаю, что его не могли волочить или переносить на очень далекое пространство. Но которое-бы изъ трехъ не избрали мы заключеній экспертовъ: удушеніе, удушеніе или шокъ отъ насилія, надо-же попытаться дать себѣ, по край-

ней мѣръ, ясное представлѣніе о томъ: какъ и гдѣ это могло произойти. На самой дорогѣ, видимой отовсюду, не сохранившей уже черезъ 1/2 часа, когда проходила г-жа Комарова, ни малѣйшихъ слѣдовъ паденія тѣла или борьбы, самое удушеніе, шокъ или удавленіе не могли произойти. Хотя нѣсколько шаговъ въ сторону, (по направленію къ лѣсу, вѣроятно, добровольно приманенный чѣмъ либо) да сдѣлалъ же Комаровъ. Какъ бы ловко и проворно не выскочили злоумышленники изъ засады на открытую дорогу, онъ бы ихъ услышалъ и увидѣлъ, успѣлъ-бы метнуться въ сторону, выхватить револьверъ или закричать, особливо зная, что его только что обогналъ водовозъ, который неподалеку набираетъ воду у пруда. Для меня болѣе чѣмъ очевидно, что Комаровъ, пройдя мостикъ, сошелъ съ дороги. Это могло случиться вполнѣ естественно, если онъ самъ условился съ кѣмъ-либо здѣсь встрѣтиться. Въ Консисторіи по дѣламъ службы онъ никого не принималъ, на дачу также, быть можетъ, не хотѣлъ никого поваживать, но могъ не отказать кому-либо перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами, пройдя вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, или присѣвъ подъ тѣнью на нѣсколько минутъ. Вспомните дѣловое посѣщеніе поручикомъ Терентьевымъ дачи Комарова; могли быть и другіе, столь-же заинтересованные въ исходѣ своихъ дѣлъ неоступные просители. Если допустить на секунду правдивость такого объясненія, тогда тотчасъ-же займутъ свое надлежащее мѣсто два, повидимому, необъяснимыхъ, обстоятельства, фактическая достовѣрность которыхъ однако-же несомнѣнна. Я говорю о показаніяхъ г-жи Комаровой и свидѣтеля Крысы. Первая удостовѣряетъ, что за все лѣто 14 іюля въ первый разъ мужъ настойчиво просилъ его не встрѣчать. Разъ это была совершенно исключительная и вполнѣ необычная настойчивость, очевидно былъ для нея и извѣстный мотивъ. Назначивъ кому либо встрѣчу у мостика—онъ естественно могъ не желать, чтобы жена присутствовала при этомъ. Теперь возьмите показаніе Крысы, къ которому на первыхъ порахъ мы все относилась почему-то съ такимъ недоумѣніемъ. Не таится ли и въ его показаніи разгадка именно того, о чемъ я веду рѣчь. Выйдя на поворотъ дороги и завидѣвъ уже издали мостикъ, Комаровъ встрѣчаетъ Крысу и съ нимъ здороваются. Онъ знаетъ, что за мостикомъ его ждутъ, что жена не выйдетъ на встрѣчу, быть можетъ у него въ эту секунду внезапно шевельнулось сомнѣніе относительно благонадежности лица, которому онъ неосторожно назначилъ свиданіе, и вотъ онъ на ходу говоритъ Крысу: „жена что-то не вышла на встрѣчу, постой, пока перебѣгутъ собаки дорогу и я пройду къ мостіку.“ Крысъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ нѣсколько минутъ, видя секретаря бодро зашагавъ уже по мостіку, повернулся и пошелъ себѣ своей дорогой въ городъ. Именно ожидая условленной встрѣчи, Комаровъ могъ поспѣшить и намѣренно задержатъ Крысу: все таки живой человѣкъ неподалеку!

Самое убійство должно было его застигнуть, когда онъ уже успокоился, оставилъ всякую мысль объ опасности. Всего вѣроятнѣе, что онъ даже присѣлъ и былъ уже во всякомъ случаѣ не на ходу, такъ какъ никакихъ серьезныхъ слѣдовъ борьбы на тѣлѣ его не имѣется. Револьверъ его остался спокойно лежать въ карманѣ пиджака; его у него не выбили и не вырвали. Очевидно, ему разомъ зажали ротъ и придушили, чтобы онъ не успѣлъ и пикнуть. Но сдѣлать это возможно только тогда, когда жертва въ болѣе или менѣе удобномъ и спокойномъ положеніи относительно нападающихъ. Къ этой формулѣ подойдутъ выводы обоихъ профессоровъ судебной медицины, и Патенко и Оболенскаго. Ротъ зажать нужно было во всякомъ случаѣ, чтобы жертва не кричала, и насиліе, произведенное тѣмъ, что на него навалились съ такою силою, что сломали два ребра, могъ вызвать нервный „шокъ“ и

парализъ сердца, какъ непосредственную причину смерти. Признаки обоихъ этихъ факторовъ устанавливаются, по словамъ экспертовъ, объективными данными осмотра и вскрытія трупа. Веревка намотана была уже очевидно послѣ этого, или для пушей вѣрности задушенія или для отвода глазъ, въ видѣ якобы эмблемы не случайной расправы. Во всякомъ случаѣ профессора-эксперты наглядно насъ убѣдили въ томъ, что веревка не послужила для удавленія, ибо странгуляціонная отъ нея полоса оказалась не прижизненного происхожденія. Если такова возможная картина преступленія, если убійство не могло совершиться иначе, какъ путемъ приманки въ засаду Комарова, если все намъ говорить, что рядомъ съ преднамѣреннымъ расчетомъ была и несомнѣнная чистота выполнения его, этимъ самымъ опровергается обвиненіе, направленное противъ Скитскихъ, потому что мы знаемъ, что при подобныхъ условіяхъ самая физическая невозможность совершенія ими преступленія представляется вполнѣ доказанной.

Останавливаясь на показаніяхъ Бородаевой и Ткаченко, какъ на достовѣрныхъ этапныхъ пунктахъ, пройденныхъ убійцами-Скитскими, обвиненіе увлекается лишь видимою легкостью выполненія ими задачи и за эту графическую несложность начертанія пути преступниковъ забываетъ всю сложность бытовыхъ и жизненныхъ условій, ихъ окружавшихъ. Конечно, чего-же проще: на виду всего бѣгомъ взбѣжали на гору на потѣху г-жи Бородаевой и Ващенко, пустились во всю прыть затѣмъ прямо открытою возвышенною поляною на пересѣчку Комарову, на виду его самого бѣгомъ спустились по голому нагорью къ мостіку, встрѣтились съ нимъ лобъ въ лобъ на дорогѣ, лишь только онъ успѣлъ перешагнуть мостикъ, убили и затѣмъ часъ спустя засвѣтло, по открытой полянѣ параллельно прѣзжей дорогѣ пошли себѣ купаться на Ворсклу. Въдъ этотъ упрощенный способъ передвиженія хорошъ для какого-нибудь *partie de plaisir*, но не для убійства, которое все-же желательно сохранить въ тайнѣ. Я не говорю уже о расчетѣ времени, которое, однако-же, должно быть принято во вниманіе *alibi* С. Скитскаго, т. е. нахожденіе его въ городѣ вплоть до начала 3-го часа и провозженіе притомъ времени при отличномъ настроеніи духа, въ самыхъ невинныхъ занятіяхъ абсолютно доказано. Старшукъ Мартиновой, ея прислугѣ и Дарагану, не говоря уже о рядѣ свидѣтелей его предыдущаго времяпровожденія, вы не имѣете ни малѣйшаго основанія не доувѣрять Степанъ Скитскій сослался на нихъ въ самый моментъ своего заарестованія и все они подтвердили, что видѣли его именно 14 іюля. Но этого мало: у насъ еще имѣется драгоцѣнный свидѣтель, потому что это свидѣтель обвиненія, г. Лопатейскій. Онъ положительно удостовѣряетъ, что, возвращаясь со службы 14 іюля не ранѣе 2 1/2 часовъ, онъ Петра Скитскаго видѣлъ въ городѣ на площади у ипподрома, и тотъ ему поклонился. Былъ-ли пьянъ Скитскій, онъ не замѣтилъ. Итакъ, не ранѣе 2 1/2 часовъ братья Скитскіе могли пуститься бѣжать по спуску, на поляну Бородаевой и далѣе. По личному осмотру и своему опыту мы знаемъ, что отъ ипподрома до мостика, по пути, указанному Бородаевой, при самомъ быстромъ ходѣ вѣзля положить менѣе 50 минутъ. Мы замѣрили время только отъ поляны Бородаевой и это взяло у насъ 40 минутъ. Допустимъ, что гонимые злобою и жаждою мести Скитскіе-бы перегнали насъ. Все-же вмѣсто 50 минутъ имъ понадобилось-бы 35 минутъ. И скорость имѣть свои предѣлы. Между тѣмъ около 3-хъ часовъ Комаровъ уже проходилъ мостикъ, въ 5 м. 4-го онъ навѣрняка былъ-бы уже у себя дома. Получается, такимъ образомъ, возможность совершенія убійства эфемерная, призрачная, если хотите математическая, но не жизненная и доказательная. Положите-же еще только 5—10 минутъ (не сплюшь же двѣ съ полови-

ною версты бѣжали Скитскіе!) и г. прокуроръ вынужденъ былъ-бы, по просту, отказаться отъ обвиненія. Но обвиненіе утверждено двумя подпорками, которыя держать его надъ пропастью. Оно считаетъ ихъ желѣзными и несокрушимыми. Это все тѣ-же показанія: г-жи Вородаевой и пастуха Ткаченко, которыя вводятъ насъ въ соблазнъ, какъ бы наглядно пунктируя путь убійцы. Здѣсь высказывалось недобріе къ показанію двухъ свидѣтельницъ, Поповой и Кривошеевой, видѣвшихъ Скитскихъ 14-го іюля по пути въ монастырскій лѣсъ, единственно на томъ основаніи, что свидѣтельницы эти появились уже въ разгаръ процесса, послѣ перваго оправданія Скитскихъ. Но если такъ, еще менѣе основаній вѣрить свидѣтельницѣ Вородаевой, такъ какъ она то ужъ явно всплыла въ качествѣ мутной накипи на той полосѣ общественнаго теченія, которая жаждала обвиненія Скитскихъ послѣ ихъ перваго оправданія. Въ качествѣ свидѣтельницы она указана частнымъ повѣреннымъ Барановымъ, пріятелемъ Коновалова, брата г-жи Вородаевой. Она изъ той самой среды, откуда и отставной полковникъ Силичъ, ихъ пріятель, тотъ спортсменъ свидѣтель, который здѣсь на судъ такъ браво уличалъ Степана Скитскаго въ угрозахъ по адресу Комарова и котораго въ свою очередь безпощадно уличали его же карточные партнеры и хозяева дома Оленскіе. Въ этомъ кружкѣ учредителей-охотниковъ зародился очевидно новаго вида спортъ на живыхъ людей. Отъ самой г-жи Вородаевой я, впрочемъ, не отнимаю ея субъективной правдивости. Опытъ, произведенный съ нею при осмотрѣ нами мѣста, наглядно показалъ мнѣ, съ кѣмъ въ ея лицѣ мы имѣемъ дѣло. Это несомнѣнно особа истерической консистенціи, легко доступная внушенію и самовнушенію, съ наклономъ къ галлюцинировать. Вопли ея напоминаютъ вопли кликушъ. Въ средніе вѣка, въ мрачныхъ процессахъ о чернокнижніи и общеніи съ дьяволомъ, свидѣтельницы, подобныя г-жѣ Вородаевой, вѣроятно съ такою же силой выкрикивали имена одержимыхъ бѣсами, чертили и путь къ дымовымъ трубамъ злыхъ еретиковъ, которыхъ этимъ классическимъ путемъ, какъ извѣстно, навѣщали бѣсы. Г-жа Вородаева прекрасно видѣла всю разницу одежды Скитскихъ и Петерсоновъ, отлично знала, что это именно Скитскихъ ведутъ по тому пути, который сама-же она только-что указала и это не помѣшало ей (вѣрю, — невольно!) въ истерическомъ экстазѣ одержимой пифии завопить „это они!“ и затѣмъ разразиться истерикою, приведшею ее къ бессознательному состоянію. Если бы опытъ (какъ это въ сущности и слѣдовало) начался съ того, что пустили-бы Петерсоновъ, возможно-раздался бы такой же вопль. Ужъ больно были торжественны моментъ и обстановка для такой природы, какъ ея, чтобы она могла совладать съ своими психопатическими распатанными нервами. Къ подобнаго рода случайнымъ эффектамъ въ процессѣ судья долженъ относиться со всевозможною осторожностью, если не желаетъ самъ подпасть вліянію жалкого импрессионизма. При скольконибудь здравомъ критическомъ отношеніи къ показанію г-жи Вородаевой оно теряетъ тотчасъ-же свое доказательное значеніе. Начатъ съ того, что ни г-жа Вородаева, ни ея прислуга Ващенко не утверждаютъ, чтобы они видѣли двухъ бѣжавшихъ именно 14-го. Сама г-жа Вородаева допускаетъ, что это было или 14-го или 15-го. При этомъ она дополняетъ, что это было именно въ тотъ день, когда эконоомъ кадетскаго корпуса закупалъ что-то на базарѣ для праздника. Г. эконоомъ намъ удостовѣрилъ, что онъ бываетъ на базарѣ ежедневно, что 15-го у него сынъ былъ именинникъ, и что если онъ покупалъ напр. фрукты или сласти, то могло быть это или 15-го или позднѣе, 22-го, когда въ лагерѣ у кадетъ былъ любительскій спектакль. И такъ уже по первой примѣтѣ, данной самою-же Вородаевой—видѣла она бѣжавшихъ

15-го. И это могло быть, такъ какъ именно 15-го на розыскъ Комарова двинулась вся консистория. Вторая ея-же примѣта; день былъ тихій, безвѣтренный; между тѣмъ со словъ г-жи Комаровой и другихъ свидѣтелей мы знаемъ, что 14-го было очень вѣтрено. Но благодаря появленію свидѣтелей, Петерсоновъ, которыхъ теперь никто уже, надѣюсь, не заподозритъ въ искусственности ихъ показанія, мы имѣемъ и еще капитальное доказательство того, что г-жа Вородаева глядѣла въ бинокль, выжидая брата, не 14-го. Она вѣдь объясняетъ, что съ 2-хъ часовъ стала поджидать брата и глядѣть на противоположную ея дому возвышенную поляну. Она просидѣла такъ около часа, глядя въ бинокль и видѣла только тѣхъ двухъ, которые поднялись по указанному ею пути. Но вѣдь Петерсоны именно между 2 и 3 часами бѣгали въ другихъ направленіяхъ по той-же полянѣ, взбѣгали и на самую ея вершину. Мы ихъ отлично разглядѣли съ мѣста, откуда смотрѣла г-жа Вородаева. Ихъ бы не могла не увидеть и сама г-жа Вородаева, если-бы она именно въ тотъ часъ и въ тотъ день, когда по полянѣ ходили Петерсоны, была на своемъ посту. А достовѣрно, что Петерсоны ходили именно 14-го. Отсюда ясно, что г-жа Вородаева наблюдала между 2 и 3 часами поляну и видѣла бѣжавшихъ какъ разъ не 14-го, иначе и Петерсоновъ не видѣть бы она не могла.

Остается Ткаченко. Осмотръ мѣстности относительно этого свидѣтеля, къ счастью, оказалъ намъ огромную услугу. По тексту его показанія, запротоколированному слѣдствіемъ, можно было понять такъ, что пробравшіеся гдѣ-то лѣсомъ двое наскочили вдругъ на него и затѣмъ, словно испугавшись, нырнули въ сторону. На мѣстѣ вышло совершенно иное. Не люди шли лѣсомъ и наткнулись на Ткаченко, а Ткаченко изъ за перелѣска выглянулъ, загоняя корову, и увидѣлъ двухъ идущихъ по совершенно открытому склону параллельно пробѣжкамъ дорогъ и даже въ пунктѣ пересѣченія трехъ дорогъ. Было это въ 4 часа дня. Что-же это такое? Лѣсомъ незамѣтно можно было съ мѣста убійства пробраться куда угодно, хотя бы по направленію къ Шведской могилѣ, Скитскіе, только что убивъ Комарова, идутъ какъ разъ открыто вдоль самой дороги лишь по травѣ, чтобы не заплыть сапогъ. И вдоль какой дороги? Той самой, по которой уже въ 3½ часа начинается бродить г-жа Комарова (если они были въ засадѣ, то несомнѣнно видѣли бы ее), по которой сейчасъ пройдетъ кто нибудь изъ конесторскихъ сторожей на дачу Комарова. Помилосердитесь! Нельзя-же руководиться однимъ удобствомъ „попущности“, когда совершается столь тяжкое преступленіе. Вѣдь есть-же, наконецъ у людей и чувство самосохраненія! И еще: напрасно г. обвинитель такъ рано отпускаетъ злоумышленниковъ, если не изъ мѣста засады, то, во всякомъ случаѣ, изъ мѣста, гдѣ они должны были притаиться, по крайней мѣрѣ, до наступленія сумерокъ. Вѣдь кажется доказано, что зонтики, очки, шляпа, — всѣ тѣ аксессуары, по которымъ обнаружили трупъ 15-го, были раскиданы близъ дороги не ранѣе наступленія ночи, такъ какъ весь вечеръ г-жа Комарова бродила здѣсь и не замѣтила ничего изъ того, что уже на другой день бросалось въ глаза. Дайте же злоумышленникамъ совершить все это хотя бы подъ покровомъ ночи, когда и самимъ имъ гораздо легче удалиться незамѣченными съ мѣста преступленія. Соблазнъ обвинить Скитскихъ такъ великъ, что мы не даемъ имъ даже достаточно времени, чтобы проявить свою преступность. Бѣжали, убили, скрылись! — но какъ? когда? имѣли-ли они на это возможность и время? все это насъ какъ-то мало интересуетъ.

Я могъ бы еще поговорить объ уликахъ, такъ называемаго, психологическаго характера. Но на это разъ о нихъ говорилось мало и неохотно. Оно и понятно. Все это уже жевано и пережевано. Двумя рѣзкими гранями надо, однако, отмѣтить по-

ведение Степана Скитского. Я беру только два, самых достоверных свидетельских показания: показание начальника почтовой конторы Глаголева и показание редактора епархиальных ведомостей г. Ковалевского. Оба люди интеллигентные и на их наблюдательность, казалось бы, можно положиться. Первый видѣлъ С. Скитского ровно за часъ до предполагаемаго совершенія имъ преступленія, второй въ самый критическій моментъ на другой день, когда трупъ Комарова не былъ еще розысканъ и когда предположеніе объ убійствѣ его еще носилось въ воздухѣ. Г. Глаголевъ положительно отвергаетъ мысль объ убійствѣ Скитскими Комарова именно на основаніи своихъ наблюденій надъ С. Скитскимъ. Этотъ былъ въ совершенно нормальномъ состояніи, по обыкновенію, шутилъ, разговаривалъ съ почтовыми чиновниками, куда не торопился и ни въ чемъ не проявилъ ни суетливости, ни напоротъ растерянности или задумчивости. Къ г. Ковалевскому Степанъ Скитскій пришелъ по служебнымъ дѣламъ 15-го. Говорили, между прочимъ, о Комаровѣ. Скитскій не скрывалъ своихъ на него неудовольствій. Это немного смѣло! Въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ обыкновенно о веревкѣ. Если Скитскій былъ убійцею Комарова и зналъ, что тотъ уже лежитъ мертвый въ кустахъ, онъ бы остерегся хоть въ эту минуту заново напоминать всѣмъ о своемъ недружелюбіи къ Комарову. Очевидно, самое недружелюбіе это онъ ощущалъ въ себѣ лишь какъ явленіе обыденное, житейское, чуждое какихъ бы ни было затаенныхъ криминальныхъ осложненій. Иначе о своихъ чувствахъ къ Комарову онъ помолчалъ бы.

Имѣются еще любопытные моменты, заслуживающіе оцѣнки. Это воздвѣваніе рукъ къ небу и крестное знаменіе, когда онъ въ монастырѣ впервые узналъ отъ Молчанова о томъ, что Комаровъ найденъ удушеннымъ. Затѣмъ его оцѣненіе и якобы странное поведеніе въ лавкѣ г-жи Николаевой. Допустимъ серьезное чувство вражды у С. Скитского къ Комарову. Приходить и говорить такому человеку: „щетны твои жалобы, опасенія и неудовольствія. Врагъ твой скончался!“ Для человѣка религіознаго, вѣрующаго, какимъ былъ всегда С. Скитскій, — дѣлая душевная драма. „Неисповѣдима судьбы твои, Господи!“ Во всякомъ случаѣ, на лицо сложно психологическій моментъ, который не уступить, пожалуй, по своей сложности такому-же моменту и въ томъ случаѣ, если-бы С. Скитскій самъ убилъ Комарова. Въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ бы болѣе на сторожѣ. Но вотъ, въ лавкѣ Николаевой, уже зная о томъ, что трупъ Комарова найденъ, онъ, немного выпившій, снова и снова говорить о своихъ обидахъ и неудовольствіяхъ на Комарова. Воля ваша—это не поведеніе убійцы! Съ утра шестнадцатаго его поведеніе получаетъ уже совершенно иное, столько-же понятное, сколько и опредѣленное направленіе. Онъ—уже заподозрѣнный, и знаетъ объ этомъ. Протоіерей Мазановъ ему прямо приказываетъ, по распоряженію преосвященнаго, куда не отлучаться изъ консисторіи. Другими словами, ему не приказано идти и на похороны Комарова. Отъ присутствовавшихъ на похоронахъ онъ узнаетъ, что въ надгробномъ словѣ архипастыря дѣлаются ясныя намеки на то, что именно онъ—убійца. Требуется душевнаго равновѣсія и спокойствія отъ кого угодно, но не отъ лица, ощутившагося въ подобномъ положеніи. Убійцѣ легче были бы перенести все это, нежели невинному. Если С. Скитскій 16-го велъ себя дѣйствительно растерянно и былъ явно разстроено—то усмотрѣть въ этомъ специфическую улику его прикосновенности къ убійству нѣтъ еще ни малѣйшаго основанія. Наоборотъ, то, что онъ ни отъ кого не скрывалъ и не пытался даже скрыть ни своего огорченія, ни своей растерянности, рисуетъ намъ его въ нормальномъ положеніи человѣка грубо, обидно, но невинно заподозрѣннаго.

О поведеніи Петра Скитскаго мнѣ нечего сказать. Оно не представляется никому болѣе подозрительнымъ. Это былъ самый обыкновенный періодъ запоя, доведившій его до безпамятства. Онъ и прежде имъ иногда страдалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ. Его запой, начавшійся съ 13 іюля, длился четыре дня и былъ прерванъ его арестомъ. Въ участкѣ при полицейскомъ наискѣ г. Иванова ему сдѣлалось дурно... Надѣюсь, что и это естественно. Изъ угара запоя, послѣ невинныхъ похужденій съ пріятелями по трактирамъ, попасть прямо въ „убійцы“ и притомъ въ передѣлку къ г. Иванову смутить хоть кого... Нервы Петра Скитскаго никогда не были крѣпки.

Я чувствую, что пора кончить Г. г. Судьи! Но я боюсь кончить... Когда я кончу, — очередь ваша, очередь вашему приговору. Можеть наступить ужасъ, тотъ ужасъ, который мы уже пережили однажды. Неужели это на самомъ дѣлѣ возможно? Судъ и осужденіе близки. Но законъ не хочеть, не требуетъ отъ васъ невозможнаго. Въ подобныхъ случаяхъ онъ наоборотъ самъ приходитъ вамъ на помощь, самъ бережетъ васъ. Вамъ-ли юристамъ-судьямъ напоминать мнѣ объ этомъ? Самонадѣянность всегда слѣпа. Сомнѣніе же спутникъ разума. Сказать, что въ этомъ дѣлѣ все для васъ ясно и нѣтъ сомнѣній, вы не можете... Я прошу у васъ для Скитскихъ оправдательнаго приговора.

Предсѣдатель (въ сторону подсудимыхъ). Ваше послѣднее слово, подсудимый Степанъ Скитскій.

Встаетъ Степанъ Скитскій, и сначала взволнованно и нерѣшительно, а потомъ спокойно и твердо рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Комарову.

На первыхъ порахъ, начинаеть онъ, когда пріѣхалъ сюда въ консисторію покойный Комаровъ, у насъ отношенія были очень хорошия; Комаровъ относился ко мнѣ даже лучше, чѣмъ ко всѣмъ другимъ моимъ товарищамъ; это видно изъ того даже, что уѣзжая въ Одессу на два мѣсяца въ отпускъ, онъ поручилъ исполненіе обязанностей секретаря, не кому другому, какъ мнѣ, несмотря на то, что я и такъ былъ заваленъ работой и въ консисторіи были чиновники старше меня по службѣ. Никакой страшной злобы и вражды, о которой говоритъ свидетельница Комарова и только она одна, у меня не было къ покойному секретарю; это опровергается всѣми данными дѣла. Изъ формулярнаго списка видно, что эти отношенія не измѣнились къ худшему и черезъ 2½ года, такъ какъ въ октябрь 96 года я былъ назначенъ казначеемъ. Правда съ этого времени Комаровъ сталъ ко мнѣ требовательнѣй; но это объяснялось тѣмъ, что до меня дѣла по казначейскому столу были запущены, и я на первыхъ порахъ еще не успѣлъ осмотрѣться; едва прослужилъ я въ новой должности два мѣсяца пришлось составлять огромный и сложный отчетъ о движеніи годовыхъ денежныхъ суммъ по консисторіи. Обнаружилось, что не хватаетъ 300 рублей. Я заволновался: прослуживъ 24 года безпорочно и вдругъ попасть подъ судъ за растрату казенныхъ суммъ—это представлялось для меня такимъ ужаснымъ, что я ходилъ самъ не свой, лишился сна и пищи; я совершенно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Комаровъ сердился на меня, но я на него не могъ сердиться, такъ какъ вполне понималъ, что Комаровъ въ правѣ это дѣлать,—вѣдь и онъ отвѣчаетъ за дѣлство суммъ. Не было большей неожиданности для меня и лишеніе награды на пашѣ: за что награждать человѣка, у котораго произошла растрата. Правда, я былъ огорченъ такимъ лишеніемъ; но не приписывалъ всецѣло Комарову, такъ какъ преосвященный могъ бы съ нимъ не согласиться и я получилъ бы награду. Ошибка въ отчетѣ была обнаружена,—она была сдѣлана не по моей винѣ, но скоро вкрались разныя погрѣшности въ ведомо-

сти; Комаровъ ихъ не подписывалъ и дѣлалъ мнѣ выговоры—но такіе выговоры дѣлать онъ рѣшительно вѣсьмъ чиновникамъ и еще въ болѣе рѣзкой формѣ; я на это не обижался, такъ какъ привыкъ къ его характеру и считалъ его нервнымъ, раздражительнымъ до болѣзненности. Я очень жалю, что здѣсь мои бывшіе сослуживцы свидѣтели, говоря о рѣзкостяхъ Комарова, объ его замѣчаніяхъ и выговорахъ мнѣ, забыли упомянуть то, что Комаровъ часто передо мной извинялся: вельшка отойдетъ и затѣмъ попроситъ извиненія за свою рѣзкость. Не нужно забывать и того, что члены консисторіи, напримѣръ о. Мазановъ, обращается со служащими несравненно хуже, чѣмъ Комаровъ; его замѣчанія и выговоры къ тому же часто и безпричинны; и тѣмъ не менѣе я, да и мои товарищи все свосили, все терпѣли; да и не привыкать стать намъ терпѣть—я 24 года служилъ въ консисторіи и вѣсь 24 года зналъ только одно—терпѣть. Только разъ мнѣ пришлось въ голову пожаловаться на Комарова въ синодъ, такъ какъ я считалъ лишеніе меня награды дѣломъ несправедливымъ (ошибка была не моя), но и то раздумалъ,—стерплю и это! О какой-то мести Комарову я никогда и не помышлялъ, а о томъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ, я и до сихъ поръ не могу подумать безъ ужаса! Я во всю жизнь не обидѣлъ ни одного человѣка, и вдругъ—убить!.. Господа судьи! съ дрожью въ голосъ и слезами на глазахъ заключаю подсудимый: дайте мнѣ свободу, дайте мнѣ орудіе въ руки, чтобы я могъ доказать, что я совершенно невиненъ; въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы, въ заточеніи, я ничего не могу сдѣлать для своего оправданія“.

Предсѣдатель. Петръ Скитскій, ваше послѣднее слово.

Петръ Скитскій; все тотъ же землистый, худой, взволнованный; онъ встаетъ и держится за скамью, чтобы не упасть, говоритъ полуфразами и едва слышно. «Къ Комарову я не питалъ злобы и чувства мести... Братъ никогда не отзывался рѣзко о Комаровѣ... Я знаю своего брата,—повиновение начальству онъ считалъ своимъ долгомъ... О дѣлѣ мнѣ нечего говорить... Защитники уже говорили о дѣлѣ... Прошу возвратитъ намъ свободу... Мы и такъ долго томимся въ тюрьмѣ... За что сами не знаемъ... Три года... (подсудимый плачетъ)... Истопились совѣсьмъ... Если меня обвинятъ, то я говорю и буду говорить, что осудили невиннаго...»

Послѣ этого предсѣдателемъ были оглашены слѣдующіе вопросы, подлежащіе обсужденію Особого Присутствія:

1) Виновенъ ли подсудимый, коллежскій ассесоръ Степанъ Леонтьевичъ Скитскій, 45 лѣтъ, въ томъ, что, состоя казначеемъ Полтавской духовной консисторіи и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря той же консисторіи Алексѣя Яковлевича Комарова, онъ изъ мести къ нему, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ исключительно на служебной почвѣ, по предварительному уговору съ братомъ своимъ Петромъ, задумалъ лишить Комарова жизни, съ какою цѣлью днемъ 14 іюля 1897 года скрылся въ засадѣ, въ лѣсу, вблизи г. Полтавы, напалъ на Комарова, когда послѣдній шелъ мимо на дачу Склифасовскаго и, посредствомъ удушенія, лишилъ жизни его, Комарова?

2) Второй вопросъ въ той же самой редакціи только по отношенію къ Петру Скитскому.

3) Если оба подсудимые или кто-либо изъ нихъ виновны, то какому подлежатъ наказанію?

4) Подлежитъ ли удовлетворенію гражданскій искъ?

Палата удалилась въ совѣщательную комнату ровно въ 5 часовъ пополудни. Черезъ 25 минутъ предсѣдатель выслалъ секретаря съ предупреденіемъ публики—воздержаться отъ выраженія всякихъ знаковъ одобренія или неодобренія при объ-

явленіи приговора. Прошло еще 10 томительныхъ минутъ, раздались звонокъ и голосъ судебного пристава „палата идетъ!“

Затѣмъ, среди гробового молчанія предсѣдатель начинаетъ читать: „По указу“... и заканчиваетъ: «считать по суду оправданными»...

Палата тотчасъ удалилась. Въ зданіи суда и за стѣнами произошло что-то небывалое, стихійное: кричали «ура», обнимались, цѣловались другъ съ другомъ люди совершенно между собой незнакомые, многие плакали. Скитскіе переходили изъ однихъ объятій въ другія. На улицѣ многочисленная толпа ревѣла и бушевала, какъ море... Защитниковъ несли на рукахъ, осыпали цвѣтами... Судьямъ по выходѣ изъ зданія окружнаго суда устроили шумныя оваціи, а вечеромъ провожали ихъ на вокзалъ, причемъ весь вагонъ, въ который они сѣли, украсили цвѣтами. Еще торжественнѣе были проводы защитниковъ Н. П. Карабчевскаго и Б. П. Куликова. Около дома защитника М. Д. Зеленскаго цѣлый день стояла огромнѣйшая толпа и шумно выражала свою благодарность и восторги.

Хроника.

10 іюня Выс. утверждень проектъ уст. о герб. сборѣ.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что надѣльныя земли ямщиковъ, независимо отъ того, находятся ли онѣ въ городѣ или уѣздѣ, подлежатъ земскому обложенію (ук. 30 іюня № 7231).

По разъясненію Пр. Сената, городскія управы не могутъ быть признаны обязанными къ выдачѣ справокъ объ оцѣнкѣ городскихъ имуществъ лицамъ, право коихъ на имущество не укрѣплено и которыя по окладнымъ книгамъ въ качествѣ владѣльцевъ сихъ имуществъ не значатся (Ук. 7232).

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что наличные городскіе капиталы, образовавшіеся въ прежнее время, до введенія въ дѣйствіе город. полож. 1892 г. и неизмѣнныя какого либо особаго опредѣленнаго назначенія, подлежатъ обращенію на образованіе и усиленіе городскихъ запасныхъ капиталовъ (ук. 28 марта № 3608).

Министръ юстиціи, статсъ-секретарь Муравьевъ, съ Высочайшаго соизволенія уѣзжая на нѣкоторое время изъ С.-Петербурга, передалъ управленіе министерствомъ юстиціи управляющему межевою частью, на правахъ товарища министра юстиціи, сенатору, тайному совѣтнику Шмеману.

Управляющій министерствомъ юстиціи, сенаторъ, тайный совѣтникъ Шмеманъ будетъ принимать должностныхъ и частныхъ лицъ по пятницамъ съ 11 ч. до 1 часа дня.

Министерство финансовъ особымъ циркуляромъ разъяснило казеннымъ палатамъ, что промысловыя свидѣтельства, выбираемыя исключительно для полученія купеческихъ сословныхъ правъ, не подлежатъ обложенію сборами въ земскіе и городскіе доходы. (Сѣв. Кур.).

Въ курской губернской земской управѣ получена бумага изъ курской казенной палаты, въ которой палата сообщаетъ, что согласно разъясненію департамента торговли и мануфактуръ, **земскимъ учрежденіямъ** предоставляется право содержать безъ платежа государственнаго промыслового налога склады сѣмянъ, земледѣльческихъ машинъ и орудій и др. сельско-хозяйственныхъ принадлежностей. Къ числу этихъ послѣднихъ, никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены ни кровельное желѣзо, ни каменный уголь, какъ предметы, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ сельскому хозяйству, а посему продажа изъ земскихъ складовъ вышеозначенныхъ предметовъ можетъ быть производима лишь по надлежащему промысловому свидѣтельству, равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній относить къ предметамъ, поименованнымъ въ лит. Г. п. в. ст. 6 положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, и такіе товары, какъ колоніальныя, бакалейныя, мануфактурныя, самовары, эмальированная посуда и т. п. не кустарнаго производства.

По поводу этого требованія департамента торговли и мануфактуръ, курская губернская земская управа представить докладъ будущему очередному губернскому земскому собранію, въ которомъ намѣрена просить собраніе сдѣлать постановленіе ходатайствовать передъ Пр. Сенатомъ объ отміивъ этого постановленія департамента торговли и мануфактуръ брать для земскихъ складовъ промысловыя свидѣтельства, такъ какъ въ основѣ торговли, производимой земствомъ, отнюдь не лежатъ соображенія о выгодахъ продажи тѣхъ или другихъ предметовъ. Единственную цѣль, которую преслѣдуетъ земство, — это, по возможности, удешевить и такимъ путемъ сдѣлать доступными необходимыя въ крестьянскомъ обиходѣ предметы. (С.-Пет. Вѣд.).

На дняхъ въ Кіевѣ съѣздомъ мировыхъ судей разсматривалось **дѣло о 53 сектантахъ**, привлекаемыхъ по 29 ст. за устройство незаконнаго законномъ молитвеннаго собранія.

Обвиняемые, по словамъ «К. Сл.», на судѣ заявили, что собрались дѣйствительно для молитвы, но виновными себя не признали, такъ какъ считаютъ себя не штундистами, а баптистами, коимъ закономъ 1879 г. таковыя собранія дозволяются. Въ качествѣ экзептера былъ вызванъ епархіальный миссіонеръ Н. Бѣлогорскій, который путемъ тщательнаго сравненія вѣроученія обвиняемыхъ съ ученіемъ баптистовъ, изложеннымъ въ представленномъ имъ суду баптистическомъ катехизисѣ, доказывалъ, что подсудимые не могутъ быть причислены къ баптистамъ, а принадлежатъ къ штундистамъ. Защитникомъ подсудимыхъ выступалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Горбуновъ. Судъ вынесъ всѣмъ подсудимымъ обвинительный приговоръ, на основаніи котораго они подвергнуты 25 рублей штрафу каждый съ замѣною арестомъ.

Въ Ставрополѣ-Кавказскомъ судили нѣсколько калмыковъ по обвиненію въ грабежѣ.

Въ общемъ дѣло произвело на всѣхъ присутствовавшихъ въ судебной залѣ такое впечатлѣніе, что, послѣ заявленія пострадавшихъ объ ограбленіи, были просто-напросто **схвачены пять первыхъ попавшихся калмыковъ** и посажены въ тюрьму. Хотя на судѣ

были допрошены и потерпѣвшіе, и становой приставъ, и урядникъ, производившіе дознаніе, нельзя было уяснить себѣ, по какому поводу были арестованы подсудимые, что подало основаніе подозрѣвать ихъ въ совершеніи грабежа.

Самымъ интереснымъ моментомъ судебного разбирательства явился допросъ свидѣтеля, станового пристава Раевского производившаго дознаніе по дѣлу. Именно этому лицу подсудимые принесли повинную, отъ которой они тотчасъ же отказались, какъ только перешли изъ распоряженія г. Раевского въ распоряженіе судебного слѣдователя. Подсудимые категорически заявили, что они вынуждены были дать „сознаніе“ подъ влияніемъ невыносимыхъ побоевъ, которые наносились имъ приставомъ Раевскимъ и урядникомъ. Подсудимые, конечно, были оправданы. (Сѣв. Кур.).

21 іюня объявленъ былъ приговоръ по дѣлу объ **убійствѣ полиціймейстера Сомова**, восходившій на Высочайшее Его Императорскаго Величества возрѣніе Государю Императору благоудно было смягчить участь обвиненныхъ Тарана и Яшпгашвили, замѣнивъ смертную казнь пожизненною каторгой. Относительно Долла 20 лѣтъ каторги замѣнены пятнадцатью; для Рудкова пожизненная каторга замѣнена каторгою на 20 лѣтъ. Для Пареенова и Гришко смягченія участи не послѣдовало, поэтому относительно нихъ приговоръ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе въ тюремной оградѣ. (Забайк. Обл. Вѣд.).

Въ Саратовѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, открывается **школа урядниковъ**, по инициативѣ начальника губерніи князя В. В. Мещерскаго. По проекту школы, предполагается, что въ ней будутъ знакомиться съ служебными обязанностями какъ уже занимающіе должности урядниковъ, такъ и всѣ лица, желающія вносить службу на эти должности. Между прочимъ, чины мѣтнаго прокурорскаго надзора изъявили свою готовность лично принять участіе по преподаванію въ школѣ и знакомить слушателей съ необходимыми для полицейскихъ урядниковъ свѣдѣніями по судебному отдѣлу, ознакомленіе же слушателей съ необходимыми для нихъ свѣдѣніями по административной части будетъ возложено г. губернаторомъ на одно изъ подвѣдомственныхъ ему должностныхъ лицъ. Для служащихъ урядниковъ занятія на курсахъ будутъ двухмѣсячныя, а для кандидатовъ — трехмѣсячныя. Курсъ школы предполагается повторять періодически, съ тѣмъ, чтобы привлечь всѣхъ урядниковъ къ занятіямъ. Городекое управленіе отводитъ для этой школы одно изъ помѣщеній прежнихъ воинскихъ казармъ. (Сар. Л.).

Духовенство столичныхъ и пригородныхъ церквей, занявшееся еще въ прошломъ году разработкой вопросовъ о **мѣрахъ къ сокращенію числа незаконныхъ браковъ**, разработало и рѣшило войти съ соответствующимъ ходатайствомъ объ утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ слѣдующихъ правилъ пастырской дѣятельности въ случаѣ отказа родителей дѣтямъ вступать въ законный бракъ. Совершеннолѣтнія и подготовленные къ самостоятельной жизни лица, получившія отказъ родителей о дозволеніи вступить въ законный бракъ, могутъ быть обвинены священникомъ и безъ

согласія на то родителей. При заявленіяхъ родителей о недовольствѣ ими, сыну или дочери, вступить въ предполагаемый ими законный бракъ безъ указанія на то законныхъ препятствій, священникъ обязанъ разъяснить этимъ родителямъ права, какъ ихъ взрослыхъ дѣтей такъ и ихъ личныя, въ данномъ случаѣ, равно и вредныя послѣдствія, которыя могутъ повлечь за собой недовольствія родителей вступать въ законный бракъ. (Бирж. В.).

Новочеркасская гор. дума издала недавно совершенно необыкновенное **обязательное постановление**:

„Въ § 1 постановленія значится: „Въ видахъ устраненія вредныхъ для правильной торговли и имѣющихъ возбуждающій страсти характеръ, такъ называемыхъ дешевыхъ распродажъ разныхъ товаровъ, въ г. Новочеркасскѣ воспрещается печатаніе въ мѣстныхъ газетахъ и отдѣльными оттисками, распространеніе послѣднихъ—въ обществѣ, вывѣскою ихъ на окнахъ магазиновъ, помѣщеніемъ въ витринахъ и расклейкою въ разныхъ мѣстахъ, съ цѣлью привлеченія большого наплыва покупателей,—объявленій (рекламъ): а) о распродажѣ остатковъ товаровъ и скидки по случаю накопленія товаровъ; б) объ окончательной распродажѣ товаровъ, и в) съ обозначеніемъ цѣны на товары. Воспрещаются вывѣски съ надписями: „распродажа“. Изъ дальнѣйшихъ §§ „постановленія“ видно, что позволяются лишь объявленія о полученіи новыхъ товаровъ (безъ обозначенія цѣны), о перемѣщеніи торговли съ одного мѣста на другое и объ открытіи торговли вновь. (Донъ).“

Содержатель ренскогого погребя Абрамовъ былъ привлеченъ къ ответственности за **оскорбленіе околоточнаго надзирателя** Кадникова. 30 іюня дѣло это слушалось Томскимъ мир. судьей.

Вызванные защитой свидѣтели, удостовѣрили съ полной определенностью, что, присутствуя при всей сценѣ объясненія Абрамова съ ок. надзирателемъ Кадниковымъ, они не видѣли, чтобы Абрамовъ оскорбилъ Кадникова словомъ или дѣйствіемъ, но они видѣли, какъ Кадниковъ, вдоволь накричавшись на Абрамова за раннее открытіе ренскогого погребя, ударилъ обвиняемаго въ грудь кулакомъ; при этомъ одинъ изъ свидѣтелей попутно указалъ, что Кадниковъ оставилъ безъ вниманія, что какъ разъ въ тотъ же часъ другіе торговцы безпрепятственно производили торговлю и это обстоятельство не вызывало гнѣва со стороны г. Кадникова, а гнѣвался онъ только на одного Абрамова, о незаконныхъ, якобы, дѣйствіяхъ котораго и былъ постановленъ полицейскій протоколъ.

Резюмируя показанія допрошенныхъ свидѣтелей, защитникъ Абрамова считалъ обвиненіе своего кліента въ оскорбленіи Кадникова ни только не доказаннымъ, но прямо опровергнутымъ; въ роли обвиняемаго, судя по выяснившимся нынѣ при вторичномъ разборѣ дѣла обстоятельствамъ, гораздо болѣе пристало-бы быть г. Кадникову, а не Абрамову.

Г. мировой судья постановилъ, считать Абрамова,

по обвиненію его въ оскорбленіи дѣйствіемъ окол. надзир. Кадникова, оправданнымъ. (Сиб. Ж.)

22 іюня въ уголовномъ отдѣленіи уфимскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слушалось, по словамъ „Сам. Газ“, дѣло объ **оскорбленіи земскаго начальника** башкиромъ Мухамедомъ Шарыповымъ и крестьянникомъ Баевымъ. Неграмотному башкиру Шарыпову, не умѣвшему даже говорить по-русски, понадобилось подать жалобу на земскаго начальника за непріятіе имъ апелл. отзыва.

Неграмотный Шарыповъ обратился къ мѣстному „адвокату“ унтеръ-офицеру Баеву, который настроилъ прошеніе, а за неграмотнаго подателя заставилъ росписаться своего малолѣтняго сына. Шарыповъ подалъ прошеніе въ надлежащую инстанцію, но неожиданно получилъ вызовъ къ судебному слѣдователю по обвиненію въ оскорбленіи земскаго начальника словами прошенія, которыя гласятъ слѣдующее: „Жалоба на рѣшеніе волостнаго суда не принята по слабости земскаго начальника, который поклоняется Бахусу“.

Баевъ на судѣ не явился, благодаря чему предсѣдатель суда счелъ необходимымъ огласить показанія обвиняемаго, данныя судебному слѣдователю, въ конхъ онъ удостовѣряетъ, что выраженіе „поклоняется Бахусу“ было употреблено по адресу писмоводителя земскаго начальника, который имѣетъ вліяніе на рѣшеніе судебныхъ дѣлъ большее, чѣмъ его начальникъ.

На судѣ, во время допроса, обвиняемый Шарыповъ никакъ не могъ уразумѣть: что означаетъ поклоненіе Бахусу, за которое его привлекли на скамью подсудимыхъ.

Да и для переводчика, черезъ котораго производился допросъ, терминъ этотъ былъ неразрѣшимой дилеммой.

Согласно заключенію представителя обвиненія, судъ постановилъ: Баева подвергнуть аресту срокомъ на 7 дней, а его кліента Шарынова считать оправданнымъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ

Подписнику № 518.

Въ какой пропорціи распределяются между предсѣдателемъ конкурснаго управленія и кураторами два процента, назначаемые за труды ихъ по 642 ст. уст. о несостоятельности.

При отсутствіи въ законѣ какихъ-либо указаній на преимущественное положеніе предсѣдателя конкурснаго управленія слѣдуетъ придти къ заключенію, что упомянутое вознагражденіе должно распределяться поровну.

Подписнику № 1142.

Можетъ ли быть назначенъ въ Прибалтійскихъ губ. опекуномъ надъ личностью и имуществомъ малолѣтняго русско-подданнаго иностранецъ?

Вопросъ рѣшается категорично ст. 318 св. гражд. узак. губ. приб. (по продол. 1890 г.), согласно которой: „опекунами (надъ несовершеннолѣтн.) ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть—иностранцы, т. е. лица, не состояція въ подданствѣ Россіи“.

При этомъ № годов. подписч. разсыл. 1-й л. рѣш. общ. собр. Правит. Сен. за 1899 г. и 3-й листъ „Законодательнаго Вѣстника“ за 1900 г.

Подписчику № 1160.

Примѣняется ли правило 145² ст. уст. гр. судопр. о разрѣшеніи дѣла въ отсутствіи истца въ производствѣ у земск. начальниковъ и гор. судей?

Безусловно не примѣняется. Гор. судьи и земскіе начальники руководствуются въ этомъ отношеніи 95 ст. правилъ опр. суд. д., которые не предусматриваютъ разрѣшеніе дѣлъ въ отсутствіи истца. Несомнѣнно, однако, что съ точки зрѣнія цѣлесообразности слѣдовало, бы распространить эти правила и на дѣла, производящіяся у гор. судей и з. начальниковъ.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ:

Третьи публикати.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію
Рейнбергъ, Шля, онъ же Самсонъ, Рубиновъ, варш. куп.	Несост. должн. Р. VI, ст. 593.	Варшав. к. с.
Божидаръ-Подгороденскій, Георгій Александровъ, двор.	Опек. управл. надъ личн. и имущ. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 221.	Лудская дв. оп.
Эисмонтъ, Екатерина Николаева, дочь кап. 1 ранга.	Опека надъ личн. и имущ. по слабоумію Р. VII, ст. 222.	Спб. дв. оп.
Калецкій, Алтеръ-Кадышъ, мѣщ. пос. Калеты, Сейнскаго у., Сувалк. губ.	Опека надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 223.	Гродненск. с. с.
Богачевъ, Алексій Петровъ, моск. мѣщ.	Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 224.	Московский с. с.
Цвѣтковъ, Василій Алексѣевъ, нижегор. пех.	Опека надъ имущ. по разстройству умствен. способностей. Р. VII, ст. 225.	Нижегородск. с. с.
Скворцовъ, Федоръ Михайловъ, сынъ поч. гражд.	Опека надъ личн. и имущ. по слабоумію. Р. VII, ст. 226.	Рижскій г. с. с.
Гусева, Надежда Николаева, жена кол. секр.	Опека надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 227.	Спб. дв. оп.
Гузей-Разумовъ, Игнатій Васильевъ, капит.	Опека надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 228.	Спб. дв. оп.
Налибоцкій, Юсифъ Абрамовъ, мѣщ.	Несост. должн. по торговлѣ Р. VI, ст. 606.	Кишиневскій о. с.
Ищенко, Макаръ Ивановъ, куп.	Несост. должн. Р. VI, ст. 607.	Таганрогскій о. с.
Кусиковъ, Артѣмій Гавриловъ, куп.	Несост. должн. Р. VI, ст. 608.	Екатеринодарскій о. с.
Злотовъ, Семенъ Михайловъ, мѣщ.	Несост. должн. Р. VI, ст. 609.	Московск. о. с.
Комисаровъ, Филиппъ Васильевъ, крест.	Несост. должн. Р. VI, ст. 610.	Московск. о. с.
Сальвиате, Елена Федорова, жена надв. сов.	Опека надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 229.	Спб. дв. оп.
Вехтерштейнъ, Марія Гершанова, вдова шт.-кап.	Опека надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 230.	Спб. дв. оп.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченій въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Свѣшниковъ, Сергій Степановъ, прап. зап.	<p style="text-align: center;">Сенатскіи Объявленія 10 Іюля 1900 г. № 55.</p>	Московск. к. с.
Фрей, Эмилиа Иванова, вдова мастера.		Спб. с. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.	
Эліасомъ, Михаиломъ Петровичемъ, гражд. Акц. Общ. „Керамика“.	Склярѣву, Федору Константинову.	<p style="text-align: center;">Сенатскіи Объявленія 10 Іюля 1900 г. № 55.</p>	Екатеринослав. о. с.	
Шимшелевичемъ, Нохимомъ-Ицко Мордуховымъ, мѣщ. Степановою, рожд. Сеславинною Софією Александровою, женою куп.	Гризару, Ашилю Евгениеву, франц. гражд. Шимшелевичу, Давиду Нохимъ Ицкову, мѣщ. Степанову, Ивану Каатанову, куп.		У Павлоград. нот. Спиридонова. Р. IV, ст. 151. У Екатеринослав. нот. Михайлова за № 4331. Р. IV, ст. 152. У Одес. нот. Комарова 31 Января 1895 г. Р. IV, ст. 153. Въ русскомъ Консульствѣ, въ Парижѣ за № 2243. Р. IV, ст. 154. У Вознесен. нот. Кривицкаго 7 февр. 1900 г. за № 230. Р. IV, ст. 155.	Екатеринослав. о. с. Екатеринослав. о. с. Одесскій о. с. Одесскій о. с.
Гертопанъ, Любовію Арсеньевною, вдовою кол. рег. совмѣстно съ шт.-кап. Гертопанъ, Василиемъ Амплиевымъ и Павлюкъ, Софіей Амплиевой, женою колл. рег.	Гертопанъ, Николаю Амплиеву, двор.		Въ П. Рос. Ген. Консульствѣ, въ Вѣнѣ 7 Іюля 1899 г. Р. IV, ст. 156.	Лубенскій о. с.
Колесниковымъ, Вадимомъ Григорьевымъ, мѣщ.	Куприянову, Леониду Васильеву, прис. пов.		У Темрюк. нот. Волобуева въ Іюль 1897 г. Р. IV, ст. 157. У Кіев. нот. въ 1899 г. Р. IV, ст. 158.	Таганрогскій о. с.
Подставкиной, Еленой Тимофеевой, вдовой кол. асс.	Родзевичу, Владиміру Иванову, ген.-маіору.		У Сп. нот. Бабичева 3 Января 1900 г. за № 42. Р. IV, ст. 159. С. О. 13 Іюля 1900 г. № 56.	Екатеринодарскій о. с.
Дадіанъ - Мингрельскимъ, Андреемъ Давидовымъ, свѣтл. кн.	Хундадзе, Мойсею Иванову, прапорщ.		У Мир. Судьи 16 уч. окр. чит. Окр. Суда 25 Апр. 1898 г. за № 544. Р. IV, ст. 160.	Мир. Судя Зугдид. отд. Кутаисской губ.
Штригеръ, Германомъ Ермолаевымъ, пот. поч. гражд.	Штоббе, Фердинанду Августову, митав. мѣщ.			Штригеръ, Германъ Ермолаевъ.
Смолевимъ, Даниломъ, куп.	Иванову, Алексію Васильеву, пот. поч. гражд.			Читинскій о. с.